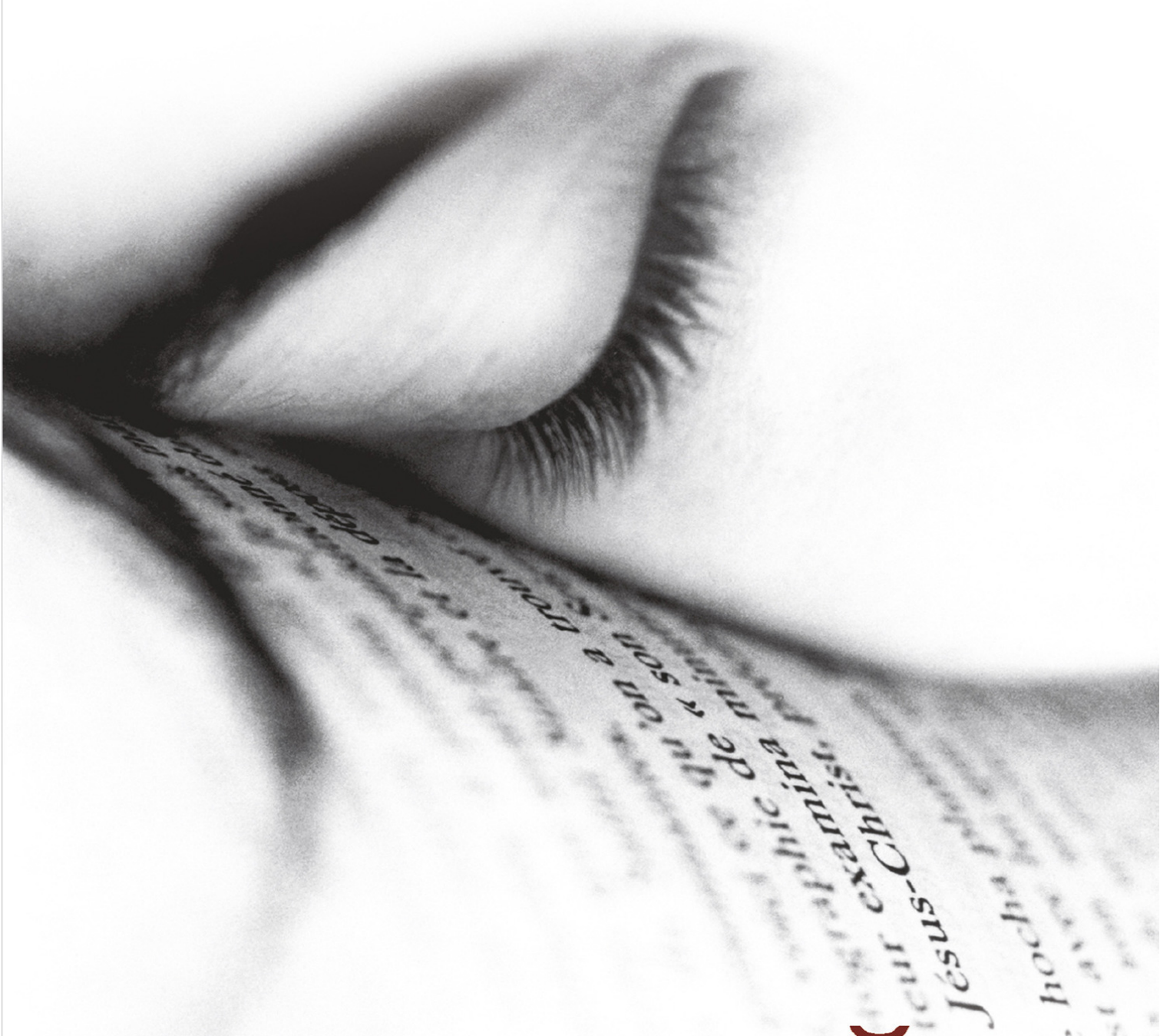

После «Девушки в поезде» ни одна книга
не захватывала меня в такой степени.

Тесс Герритсен

ПОСТАРАЙСЯ НЕ ДЫШАТЬ

ХОЛЛИ СЕДДОН

Холли Седдон

Постарайся не дышать

Издательство «Синдбад»

2016

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Седдон Х.

Постарайся не дышать / Х. Седдон — Издательство «Синдбад»,
2016

ISBN 978-5-906837-95-0

Журналистка-фрилансер Алекс Дейл получает задание написать статью о людях в состоянии длительной комы. Ее особый интерес привлекает история пациентки, находящейся на излечении в больнице городка Танбридж-Уэллс. Полтора десятка лет назад Эми Стивенсон, тогда пятнадцатилетняя школьница, стала жертвой жестокого нападения. Преступника так и не нашли. Говорить Эми не может, но врачи полагают, что она все слышит и понимает. Алекс – сверстница Эми. Она выросла в соседнем городке и не забыла о кошмарном происшествии, в свое время потрясшем всю округу. Алекс решает начать поиски негодяя, сломавшего жизнь Эми, тем более, что на кону стоит ее профессиональная репутация. Она еще не знает, что поиск улик обернется для нее смертельной опасностью.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-906837-95-0

© Седдон Х., 2016
© Издательство «Синдбад», 2016

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвертая	17
Глава пятая	18
Глава шестая	24
Глава седьмая	26
Глава восьмая	27
Глава девятая	34
Глава десятая	38
Глава одиннадцатая	39
Глава двенадцатая	44
Глава тринадцатая	46
Глава четырнадцатая	47
Глава пятнадцатая	50
Глава шестнадцатая	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Холли Седдон

Постарайся не дышать

Посвящается любимому и детям

Holly Seddon

TRY NOT TO BREATHE

Copyright © Holly Seddon, 2016

Published in the Russian language by arrangement with *Greene and Heaton Ltd. Literary Agency*
and *Andrew Nurnberg Literary Agency*

Иллюстрация на обложке: © Eric Larrayadieu / Gettyimages.ru

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство
«Синдбад», 2018

Глава первая

Эми

18 июля 1995

Музыка сотрясала ее тело и стискивала сердце. От зашкаливающих децибел бешено пульсировали барабанные перепонки и трещали хрупкие, как у птенца, ребра. Музыка была для нее всем. Ну, или почти всем.

Скоро газеты назовут пятнадцатилетнюю Эми Стивенсон «лучиком света». «У нее было все, ради чего стоит жить», – напишут они. А пока она брела домой с болтающимся за спиной рюкзаком, и в наушниках гудел брит-поп.

У нее был парень, Джейк. Они любили друг друга и встречались уже почти восемь месяцев. В перерывах между уроками они романтически прогуливались по дальнему стадиону, держась за руки. Ладони горели, и сердца бились в унисон.

У нее были две лучшие подруги, Дженни и Бекки. Все трое крутились в нескончаемом вихре – придумывали себе легенды, соперничали и сплетничали. Каждую субботу после головкружительных «она сказала – а он сказал – а она сказала...» следовали слезы и пьяные, полные раскаяния объятия.

«Выход в свет» означал лимонный «хуч» в парке или шнапс с лимонадом в пабе «Слипер», где документы не спрашивали даже у пятилетних. По будням после школы – телефонные разговоры, после шести, когда тариф дешевле. Она висела на телефоне, пока ее отчим, Боб, не входил в гостиную и не бросал на нее «тот самый» взгляд, означавший: «марш ужинать, и освободи мне телефон». Вечером в четверг у нее были «Жители Ист-Энда» и хитпарад «Top of the Pops». Вечером в пятницу – «Друзья» и музыкальное шоу «The Word».

Рюкзак с каждым шагом становился все тяжелее. Она неловко перебросила его на другое плечо; провода запутались, один наушник выскочил, и в освободившееся ухо ворвались звуки реального мира.

Домой она пошла длинной дорогой. Вчера, вернувшись пораньше, она напугала Боба, который сидел на кухне со своей любимой кружкой и размешивал в кофе сливки. Сначала-то он улыбнулся и собрался ее обнять, но потом до него дошло, что она добралась за рекордное время, а значит – срезала через поле.

Следующие полчаса ей пришлось выслушивать гневную тираду о важности возвращения домой безопасным путем – по дороге. «Я все это говорю, потому что люблю тебя, Эймс! Мы оба тебя любим и не хотим, чтобы с тобой что-то случилось».

Эми ерзала на стуле, едва сдерживая зевок. Когда Боб наконец выговорился, она нарочито громко протопала вверх, бросилась на кровать и, раскидав вокруг себя коробки с CD-дисками, записала злобный микс. «Rage Against the Machine», «Hole» и «Faith No More».

Судя по тому, в какое время она застала его вчера, сейчас он уже, скорее всего, дома. Ждет, чтобы подловить ее и снова промыть мозги. Ей не хотелось ссориться с ним из-за такой ерунды, хотя по вторникам кружной путь был особенно некстати: учебники и так весили целую тонну, а тут еще французский и история со своими идиотскими «кирпичиками».

Уроки французского она ненавидела лютой ненавистью. Мало того что учитель козел, так еще и окну зачем-то род понадобилось присваивать. Хотя знать французский было бы клево. Сексуальный язык; она часто фантазировала, как соблазнит кого-нибудь, нашептывая ему в ухо французские словечки. Кого-нибудь не такого простодушного, как Джейк. Кого-нибудь постарше. Даже, может, намного старше.

Конечно, она любит Джейка – она не шутки ради ему в этом призналась, и потом старательно вывела ручкой-корректором его имя на рюкзаке. И в мечтах о будущем он тоже обяза-

тельно присутствовал. Вот только в последние недели она все чаще замечала, насколько они разные.

Они, конечно, очень классно проводили время. Милый, покладистый Джейк с обворожительной улыбкой и темно-кариими щенячьими глазами. Но за все эти месяцы он еле набрался храбрости, чтобы один-единственный раз засунуть руку ей под школьную блузку. Весь обед они обычно целовались на дальнем стадионе. Однажды Джейк оказался сверху, но у нее затекла нога, и пришлось подвинуться; в итоге он так смутился, что до конца дня молчал как рыба.

Месяц проходил за месяцем, но она так и оставалась девственницей. Это было уже просто неприлично. И потом, ее бесила перспектива стать последней: она ненавидела проигрывать, о чем бы ни шла речь.

Несмотря на досаду, ей хотелось, чтобы Джейк сегодня пропустил дзюдо. Тогда он, может, выйдет ей навстречу. Джейка и Тома – его младшего брата – каждый день возили домой на машине, потому что их заносчивая мамаша работала в школе секретарем. Семья Джейка обитала на Ройал-авеню, в классическом коттедже с двумя симметричными фасадами. Он всегда возвращался задолго до того, как она подходила к типовому домику с двумя спальнями на Уорлингем-Роуд, где жила с Бобом и Джо, ее мамой.

Мама Джейка, Сью, ее недолюбливала. Вроде как боялась, что Эми испортит ее ненаглядного сыночка. Но Эми нравилось чувствовать себя этакой распутной женщиной. Хотя, если честно, ей уже просто хотелось стать женщиной – не важно какой.

У Эми Стивенсон была тайна. Секрет, от которого сводило живот и колотилось сердце. Подруги ни о чем не знали, Джейк тем более; он и не узнает никогда – и даже его мама, сколько бы неодобрительных взглядов она ни кидала на Эми, ни за что не догадается.

Ее секрет старше. Это самый настоящий взрослый мужчина. Плечи шире, чем у Джейка, голос ниже; а когда он отпускает грубоватые шуточки, чувствуешь, что его губы имеют право все это произносить. Он высокий и ходит не спеша, уверенно.

От него пахнет кремом после бритья, а не дезодорантом «Lynx». Он водит машину, а не велосипед. У него густая темная шевелюра и стильная мужская стрижка – не то что у Джейка, с его жиденькими песочными космами. В небольшом углублении в середине груди растут темные волоски – она видела их через вырез рубашки. И тень от него падает густая и длинная.

Когда Эми думала о нем, все ее органы чувств словно взрывались. Голова наполнялась ярко-белым шумом, и окружающий мир переставал существовать.

Ее секрет по-мужски обнимал ее за талию. Открывал ей дверь, а не выкатывался пинбольшим шариком в коридор, как мальчишки из класса.

Мама сказала бы про него: «кавалер хоть куда». Ему не нужно было ни рисоваться, ни выделяться; ни одна девчонка в школе, даже самая красивая, никогда не посмела бы надеяться получить от него хоть крохотный шанс. И никто из них не знал, что у нее есть все шансы. И это еще скромно сказано...

Она понимала, что о нем нужно молчать. Приключение продлится недолго – едва различимая комма в мелодии. Прекрасный, совершенный, неповторимый кусочек жизни будет вырезан при монтаже и заперт в отдельном ящичке. Она уже сейчас относилась к нему как к воспоминанию; пройдут месяцы, а она по-прежнему будет тискаться с Джейком на переменах, препираться с подругами, придумывать отмазки, опоздав со сдачей домашней работы, слушать по вечерам шоу Марка и Ларда на «Radio One». Она знала это. И решила, что ее это вполне устраивает.

Когда он прикасался к ее бедру или откидывал прядь волос с лица, по нервам словно пускали электрический ток. Одними лишь кончиками пальцев он заставлял ее тело петь так, что мир вокруг переставал существовать. Она трепетала от восторга и ужаса при мысли о том, что он может с ней сделать и о чем попросить. Дойдет ли у них до этого? А если дойдет, то поймет ли она, что делать?

Мимолетный поцелуй на кухне. Когда все остальные были буквально за стеной. Его пальцы касаются ее лица; щетина чуть щекочет подбородок – новое, непривычное ощущение. После этого она не спала всю ночь.

Вот и поворот на Уорлингэм-Роуд. Пора начинать привычный ритуал. Эми бросила рюкзак у крошащейся бетонной стены и, ослабив пояс юбки, опустила талию пониже. Вытряхнула все вещи, откопала дезодорант «Impulse Chic» и вишневый бальзам для губ. Взболтав флакон, выпустила маленькое сладкое облачко и, смущенно оглядевшись, просто вошла в него, как делала ее мама перед походом в клуб.

Она нанесла бальзам на нижнюю губу, потом на верхнюю. На секунду сжала губы, чтобы все равномерно размазалось, и промокнула джемпером для матового эффекта. Нужно быть готовой на случай, если Джейк вдруг все-таки ждет. Но в то же время подготовка не должна бросаться в глаза.

А музыка все лилась из наушников «Уокмена». Pulp заиграли «Do You Remember the First Time?», и она улыбнулась. Пока Джарвис Кокер у нее в голове гримасничал и подмигивал, она сложила все обратно в рюкзак, закинула его на плечо и пошла дальше.

Впереди на дороге показался фургон Боба. Оставалось пройти еще одиннадцать домов. Прищурившись, она различила вдалеке приближавшуюся фигуру.

Фигура держалась очень прямо и двигалась неспешно и уверенно. Это был не Джейк: тот семенил, словно испуганный краб, то и дело переходя с шага на бег и обратно. И – судя по стройной талии – не Боб, который очертаниями походил на круглую картофелину.

Она узнала его, и желудок испуганно подкатил к горлу.

Его кто-нибудь видел?

Боб видел?

Как можно так рисковать, зачем он явился к ее дому?! И вместе с тем она чувствовала опьяняющее возбуждение; адреналин гнал ее вперед, к нему, точно гвоздик к магниту.

Джарвис Кокер продолжал нашептывать ей непристойности. Нужно было остановить его, но она не хотела грубо выдергивать плеер из ушей; закусив губу и не отрывая взгляд от своего секрета, она перенажимала все кнопки, пока наконец не наткнулась на нужную. Музыка смолкла.

Они стояли вплотную друг к другу. Улыбаясь, он медленно протянул руку и вытащил один наушник. Потом другой. Его пальцы скользнули по ее ушам. Она нервно сглотнула, не зная, как себя следует вести.

– Привет, Эми, – сказал он, продолжая улыбаться. Мерцающие зеленые глаза, удивительно темные – словно влажные – ресницы... Он был похож на Траволту, умывающегося между дублями «Лихорадки субботнего вечера». Очень классная фотография, несмотря на то что Траволта всегда казался ей слегка тупоголовым. Снимок напечатали в одном музыкальном журнале, и она приклеила его в альбом для рисования.

– Привет... – еле слышно пролепетала она.

– У меня для тебя сюрприз. Залезай. – Махнув рукой на огненно-рыжий «форд-эскаорт», он торжественно распахнул перед ней дверцу, точно шофер.

Эми нервно огляделась по сторонам.

– Может, не стоит? Мой отчим может увидеть.

Слова еще висели в воздухе, когда, услышав, как открывается входная дверь, она молниеносно нырнула за машину и присела на корточки.

В двух шагах от нее ничего не подозревающий Боб с кряхтением опустил на тротуар ящик с инструментами. Пыхтя и отдуваясь, нашарил в кармане ключи, открыл машину. Сильные, густо поросшие волосами руки водрузили ящик на пассажирское сиденье и захлопнули дверцу. Боб вразвалочку обошел фургон, забрался внутрь и покатил прочь. Зад поскрипывавшего фургона болтался из стороны в сторону, точно виляющий собачий хвост.

Эми сейчас была готова ко всему, но какая-то ее часть – огромная часть – отчаянно захотела броситься вслед за фургоном, догнать его и запрыгнуть внутрь. Снова оказаться в безопасности, снова быть маленькой девочкой и попросить у Боба разрешения переключить передачу.

Эми встала на ноги и отряхнулась.

– Это был твой отчим?

Она молча кивнула.

– Значит, проблема решена. Залезай. – Он плотоядно улыбнулся.

Вот и все. Возразить больше было нечего. Она села в машину.

Глава вторая

Алекс

7 сентября 2010

В палате царила безнадежная тишина. Под опрятными одеялами пастельных тонов недвижимо сидели девять бессловесных тел.

Алекс Дейл уже приходилось писать о недоношенным детям, чья жизнь с первых секунд после рождения висит на волоске.

И о страдающих дегенеративными заболеваниями. И о тех, кого подключили к аппарату и чью судьбу можно решить простым щелчком тумблера. Она даже описала кончину своей матери. Все душераздирающие подробности, шаг за шагом. Но эти больные с обмякшими лицами – тоже на грани жизни и смерти – были совсем другими.

В отличие от опутанных трубками недоношенных младенцев, знавших лишь материнскую утробу да теплые, полные тревоги и отчаяния руки родителей, пациенты отделения вегетативных состояний Королевской больницы Танбридж-Уэллса извели другую жизнь.

Не походили они и на больных деменцией, застывших в вечном детстве, лишь изредка омрачаемом пугающими вспышками воспоминаний.

Неподвижные обитатели палаты «Голубая лагуна» были другими. Они не угасали постепенно, а остановились как вкопанные на полном ходу. И они по-прежнему находились где-то здесь.

Одни медленно моргали, чуть поворачивали голову к свету, и выражение их лиц слегка менялось. Других словно выхватили из жизни стоп-кадром – на отдыхе, в разгар торжества, в момент несчастного случая.

– Таких пациентов много лет считали безнадежными. Называли «овощами», – говорила рыжеволосая медсестра – Алекс никогда раньше не видела, чтобы у человека были такие глубокие «гусиные лапки» на лице. – Многие их и сейчас так называют, – добавила медсестра, помолчав, и вздохнула.

Алекс кивнула, скорописью заноса их беседу в свой «молескин».

– А ведь они все разные, – снова заговорила медсестра, – нельзя просто взять и от всех сразу отмахнуться. Они – личности. У одних ментальная активность полностью отсутствует, у других, как выяснилось, сознание частично сохраняется – а это уже далеко не смерть мозга!

– И долго они здесь пробудут? Сколько времени нужно на восстановление? – спросила Алекс. Ручка зависла над бумагой в ожидании ответа.

– Ну, вообще-то почти никто не восстанавливается. Летом одного парня выписали домой, под круглосуточное наблюдение родителей и сестры. Но это единственный случай за несколько лет.

Алекс удивленно подняла брови.

– Почти все они здесь уже очень давно, – продолжала медсестра. – И почти все так здесь и умрут.

– А их часто навещают?

– О да! Есть посетители, родственники, которые проходят через это каждую неделю. Из года в год. – Она остановилась, внимательно оглядывая кровати. – Я бы, наверно, так не смогла. Вы только представьте – каждую неделю сидеть тут и думать, что опять ничего не изменилось!

Алекс попыталась отогнать навязчивый образ: ее мать со всклокоченными волосами, бессмысленно таращится в лицо дочери и требует рассказать ей сказку на ночь.

– И только совсем недавно стало известно, что под этой неподвижной внешней оболочкой может теплиться сознание, – продолжала медсестра, понизив голос: в палате были посети-

тели. – Иногда такие пациенты, – она обвела рукой кровати у Алекс за спиной, – даже начинают общаться. И поверьте, это происходит по всему миру!

Она остановилась. Обе женщины теперь стояли в самом центре палаты, со всех сторон окруженные кроватями и шторками. Алекс, подняв брови, ждала продолжения.

– Вернее, не совсем так: они могли общаться и раньше, просто врачи не умели их слушать. Не знаю, читали вы об этом или нет, но тех, кто подсоединен к аппарату поддержания жизни больше года, можно отключать по решению суда. А поскольку финансирование сокращают... – Она не договорила.

– Ужасно не иметь права голоса! – воскликнула Алекс, продолжая писать. Ее пошатывало: от висевшего в воздухе электрического гудения подступала дурнота.

Она готовила очерк для воскресного приложения. Писала о работе доктора Хейнса – исследователя, который занимался сканированием мозга и выявлял признаки ментальной активности у подобных пациентов. Сроки поджимали, а с неуловимым доктором встретиться все не удавалось. Алекс была не на высоте.

В палате пустовала лишь одна кровать, остальные девять занимали безмолвные пациенты. Во всех десяти боксах были одинаковые сиреневые шторки и небесноголубые одеяла.

В этих светлых комнатках сестры и санитары могли, закрывшись от посторонних глаз, вытирать пациентам мокрые рты, сгибать неподвижные тела, придавая им сидячее положение, и переодевать их в принесенную родственниками или пожертвованную доброжелателями одежду.

Где-то за стойкой администрации тихо шипело радио. Болтовню ведущих сменяли «неувядающие» хиты. Едва различимые звуки музыки, шорохи и попискивания приборов, дыхание пациентов сливались в один неумолчный гул.

Взгляд Алекс зацепился за постер в дальнем углу палаты: Джарвис Кокер из *Pulp*, слегка женоподобный и с ног до головы упакованный в твид. Она напрягла глаза, стараясь разглядеть название журнала, из которого его аккуратно вырезали.

Select. Давно почивший и забытый, но безумно популярный во времена ее юности. Когда-то – когда музыка казалась единственным предметом, о котором вообще имело смысл читать и писать, – она завалила редакцию письмами, умоляя взять ее на работу. Но ей так никто и не ответил.

Темно-синяя униформа виднелась в одном из боксов: проводившую экскурсию медсестру задержали, и теперь она тихо и серьезно беседовала с плачущим мужчиной – посетителем пациентки в розовом махровом халате.

Алекс на цыпочках шагнула в сторону углового бокса. Измотанные утренним бегом икры обожгло болью. Поморщившись, она пошла быстрее; тонкие подошвы балеток впивались в натертые волдыри.

Большинство пациентов были уже немолоды, но от углового бокса явно веяло юностью.

Шторки небрежно задернули лишь до середины, и она бесшумно скользнула в широкий проем. Внутри царил полумрак, однако видно было, что Джарвис Кокер не один: рядом с натянутой улыбкой смотрел в камеру молоденький Деймон Албарн из *Blur*. Оба плаката вырезали из журнала Select не один год назад, и крепившие их кнопки успели покрыться слоем пыли.

Ни намек на движение. Под одеялом вырисовывались согнутые колени. Поверх накрахмаленных простыней наискось протянулись тоненькие, с лиловатым оттенком руки в мурашках. Плечи скрывала поношенная синяя футболка.

До сих пор она старалась не смотреть подолгу на окаменевшие лица пациентов. Глазеть разинув рот, словно жительница Викторианской эпохи, пришедшая в «цирк уродов», казалось неприличным. Вот и сейчас она нерешительно застыла у края брит-поповской кровати. Оттягивала время, оглядывая нависавшую у изголовья ярко-белую аппаратуру, и бессмысленно

чиркала в блокноте. Потом все-таки отважилась перевести взгляд на макушку лежащей на кровати молодой женщины.

Ее волосы были сочного темно-каштанового оттенка, длинные и спутанные, небрежно обрезанные лишь вокруг челки. Полуоткрытые глаза – пронзительно-голубые и блестящие, как стеклянные бусины. Алекс словно в зеркало смотрелась, только глаза у нее были бирюзовые, а волосы собраны в хвост на затылке.

Наконец она осмелилась охватить взглядом все лицо – и отшатнулась.

Она знает эту женщину.

Абсолютно точно.

Вот только никаких подробностей память не подсказывает.

В висках гулко и тревожно стучала кровь. Набравшись смелости, она снова с опаской взглянула на женщину, точно подсматривала в щелочку между пальцами. Да, она ее знает. Она явно видела это лицо.

Еще недавно острая как бритва память в мгновение ока высветила бы в голове нужное имя. Но теперь ее мозговая картотека, похоже, отсырела.

По полу тяжело зашлепали толстые плоские подошвы. Шаги быстро приближались. И тут ее наконец осенило.

– Прошу прощения! – отдуваясь, выговорила медсестра. – На чем мы с вами остановились?

– Это ведь?... – повернулась Алекс, вопросительно на нее глядя.

– Да, это она. Я все думала, узнаете или нет. Вы тогда еще, наверно, совсем молоденькая были.

– Мне было столько же, сколько и ей. То есть мне и сейчас столько же, сколько ей.

Ее сердце бешено колотилось. Разумеется, женщина в кровати ничего не могла ей сделать, но Алекс охватил страх.

– Сколько она уже здесь?

Мельком глянув на пациентку, медсестра присела на край кровати рядом с худеньким локтем и тихо ответила:

– Почти с тех самых пор.

– Боже, бедная женщина! – Алекс покачала головой. – Ладно... вы меня извините, но у меня к вам еще пара вопросов. Не возражаете?

– Конечно нет, – улыбнулась медсестра.

Она сделала глубокий вдох. Нужно взять себя в руки.

– Возможно, это прозвучит глупо, но не ходят ли они, случайно, во сне?

– Нет, такого не бывает. Они же не в состоянии двигаться.

– Ну да, логично. – Алекс откинула упавшую на лицо прядь концом ручки. – Меня, похоже, сбили с толку дежурные на входе в палату. У вас всегда так?

– Нет, постоянно мы у дверей не сидим – только когда посетителей много. Обычно мы в кабинете, занимаемся бумажной работой. У нас ее полным-полно. Хотя к вопросам безопасности здесь относятся очень серьезно.

– Поэтому меня записали в журнал?

– Да, мы всех посетителей регистрируем. Мало ли... ведь при желании с этими несчастными можно сделать все, что угодно!

* * *

Болезненно щурясь в ярком свете дня, Алекс медленно вела машину. Эми Стивенсон. Вот как звали ту женщину с детскими глазами, криво подстриженными волосами и брит-поповскими постерами на стене. И ей все еще было пятнадцать.

Когда она затормозила перед пешеходным переходом, на капот ее черного «фольксвагена-поло» чуть не рухнула обнимающаяся парочка, – подростки в синей школьной форме прижались друг к другу так тесно, что напоминали участников «забега трехногих».

Всю дорогу ее не покидали мысли об Эми Стивенсон, которая однажды не вернулась домой после школы. Пропавшая Эми. Жертва трагедии. Фотогеничная девочка-подросток в школьной форме, улыбающаяся с экрана на федеральном канале в каждом выпуске новостей. Рыдающая мать, встревоженный отец (а может, отчим). Вечерние новости: толпа школьных товарищей Эми, явившихся на какое-то специальное «собрание».

Кажется, Эми нашли буквально через пару дней. Поиски преступника были главной телевизионной новостью еще несколько месяцев. Или недель? Ей тогда тоже было пятнадцать, и она помнила, какой испытала шок, осознав свою уязвимость.

Она жила в тридцати минутах езды от Эми. И ее точно так же могли схватить на улице – кто угодно, в любой момент, среди бела дня.

Эми Стивенсон. Главная тема новостей 1995 года. Ныне забытая.

* * *

12:01. Как говорят моряки, солнце над нок-реей. Можно приступать.

В холодной тишине узкой вытянутой кухни Алекс поставила на стол высокий стакан и изящный бокал для вина. Аккуратно наполнила стакан минеральной водой до краев (обязательно комнатной температуры), до самой верхней риски налила в бокал охлажденное белое вино – качественный рислинг – и вернула бутылку на дверцу холодильника. Та звякнула о бок крайней из пяти точно таких же.

Пить воду было крайне важно. Все напитки крепче слабого пива выводили из организма больше жидкости, чем давали, а обезвоживание грозило серьезными последствиями. Каждый вечер начинался с высокого стакана воды комнатной температуры и им же заканчивался. За последние два года она редкую ночь не мочила постель, зато до обезвоживания дело обычно не доходило.

Две бутылки в день, иногда три. Чаще белого, холодными зимними вечерами – красного. И обязательно дома: все должно происходить только здесь.

«Можно подумать, ты диабетик, а это – лекарство», – говорил Мэтт, стоя в дверях с последней партией вещей – ветровкой и зимним пальто, – которые он держал так, что было ясно: пути назад нет.

Она окружила себя правилами и ритуалами. Все усилия были направлены на карьеру и поддержание контроля над ситуацией. На заботу о семье ее уже не хватало, а о том, чтобы получать от семейной жизни удовольствие, речи не шло и подавно.

Она никак не ожидала, что в двадцать восемь уже окажется разведенкой. Многие в этом возрасте только-только начинают задумываться о замужестве.

Почему Мэтт ушел, было понятно. Он устал ждать хоть какого-то намека на то, что все наладится, что она наконец предпочтет его и их брак бутылке. Но ей и в голову не приходило что-либо менять. Даже когда для этого появились «самые серьезные основания». Так уж она была устроена.

Они познакомились на неделе первокурсников в Саутгемптонском университете. Оба не помнили подробностей; память синхронно перебрасывала их сразу на несколько недель вперед – в разгар первого семестра, когда они уже вовсю гуляли и бухали и каждое утро вместе мучались похмельем.

Выпивка скрепила их союз, хотя отношения, конечно, держались не только на этом; для Мэтта алкоголь вообще со временем отошел на задний план. Они болтали, смеялись, спорили до хрипоты и, стараясь переплюнуть друг друга, блестяще сдавали экзамены (он изучал кри-

минологию, она – английскую литературу). С самого начала они стали единым целым. Не было отдельно ни его, ни ее, – только «мы».

После развода минуло уже почти два года, а она до сих пор мыслила себя частью «нас». Фантомная конечность все еще болела.

Каждый день, прежде чем поднести к губам первый бокал, она отключала телефон. Она уже давно закрыла аккаунт на Facebook и удалила себя со всех сайтов и приложений, на которых можно было писать пьяные сообщения Мэтту, его братьям, друзьям, своим бывшим коллегам и вообще кому бы то ни было.

Никаких звонков, писем и покупок – после полудня эти правила должны были соблюдаться неукоснительно. В смутный переходный период от тяжелого пьянства к «функциональному алкоголизму» правил не существовало. Редакторы в замешательстве читали ее жизнерадостные и путанные послания. Деликатные телефонные интервью принимали опасный оборот и кончались оскорблениями. Друзей как ветром сдуло: все они получили по почте набранные заглавными буквами гневные разоблачения. Неожиданные приступы шопоголизма съедали весь кредитный лимит. И это еще не самое ужасное.

Сейчас дела обстояли гораздо лучше. У нее был свой дом, ей давали сдельную работу. Она даже начала бегать.

Как минимум раз в неделю она представляла собственную смерть и сочиняла прощальное письмо с отпущением всех грехов, адресованное Мэтту и ребенку. Ребенку, которого они не планировали и которого у них уже больше не будет.

Она села за стол, открыла блокнот и написала: «Эми Стивенсон».

У нее появилась новая тема. Намного интересней того задания, с которым ее послали в больницу.

Глава третья

Джейкоб

8 сентября 2010

Джейкоб любил жену. Большую часть времени он в этом не сомневался. Но когда она по сорок пять минут кряду рассуждала о ненужной им пристройке, на которую у них к тому же не было средств, убедить себя становилось труднее.

Он смотрел, как ее губы двигаются, уверенно штампуя одно слово за другим. Тонны слов. Тонны чертовых, бессмысленных слов, сливавшихся в один бесконечный гул.

Теперь эти розовые губы умели лишь рассуждать. Когда они в последний раз округлялись для поцелуя? Когда шептали ему на ухо что-нибудь ласковое?

– Ты меня вообще слушаешь?! – Фиона смотрела жестко; карие глаза до краев наполнились соленой водой, грозившей выйти из берегов в любой момент.

Когда они в последний раз смешили друг друга до слез?

– Конечно, слушаю. – Он отодвинул тарелку с недоеденными хлопьями, отчаянно стараясь не проявить ни активную агрессию, ни пассивную и вообще не нарушить какое-нибудь из неписаных золотых правил.

Когда они с Фионой только познакомились, то говорили обо всем на свете. Ну или почти обо всем. Она восхищала его; у нее всегда находилось что сказать, а он завороченно слушал.

До свадьбы они постоянно болтали, шутили и пикировались ночами напролет. В первую брачную ночь консумировать брак не удалось: за разговорами они не заметили, как наступило утро, и опомнились лишь с восходом солнца. Фиона путалась ногами в свадебном шлейфе цвета слоновой кости; лица ломило от непрерывного смеха.

Но теперь она уже больше не расспрашивала его о работе, не ждала, что он что-то ей расскажет. Теперь они в основном препирались – по пустым, бессмысленным хозяйственным вопросам.

Когда же это началось – когда она забеременела? Или раньше?

Нет, тогда Фиона еще была прежней; пусть у нее были весьма туманные представления о сроках овуляции и оптимальных позах, но тогда они еще болтали и веселились.

А теперь это было какое-то свехравнодушие.

Раньше она бомбардировала его вопросами насчет встреч и мероприятий – с кем, куда, когда. И всегда сопоставляла ответы с другими данными, анализируя записи в ежедневнике, результаты предыдущих «допросов», мельком брошенные реплики, стиль одежды.

«Так все-таки кто идет на этот рождественский корпоратив? Как это, все будут без жен и подруг? Обычно с ними как раз и ходят. Там будут чьи-нибудь жены или подруги?»

Возможно, теперь ей это было уже не интересно – ведь в животе у нее росло маленькое сокровище, по сравнению с которым все остальное просто не имело значения. Возможно... вот только это уже была не Фиона. Не та, кого он полюбил и на ком женился. Когда – много месяцев назад – судьба распорядилась, чтобы на белой индикаторной полоске проявилась вторая голубая линия, он был на седьмом небе. Боялся до смерти, но сходил с ума от счастья. Несмотря на предшествовавшую этому событию психологическую осаду.

Сидя за исцарапанной барной стойкой, он смотрел, как Фиона неуверенно передвигается по кухне. В последние недели ее живот особенно быстро увеличивался в объеме, и она совсем утратила чувство равновесия.

Джейкоб вздохнул. Каждый разговор теперь сводился к «ужасной маленькой кухне».

Кухонная пристройка была панацеей. Там и кладовку можно устроить, и коляску держать, и в сад через нее выходить по-человечески. Она наверняка помогла бы даже снизить напряженность на Ближнем Востоке.

В пристройке заключался смысл жизни. И если Фиона ее не получит (не важно, что сумма астрономическая), мир вокруг рухнет. Иногда ему даже казалось, что в этом неправдоподобно раздутом животе спрятана бомба с часовым механизмом, а не его ребенок.

В этот построенный в 30-х дом на две семьи, расположенный по Уоллингтон-Гров, Танбридж-Уэллс, они въехали всего два года назад. Тогда их жилище казалось хоромами. Чтобы накопить на первый взнос, пришлось работать сверхурочно и отказывать себе буквально во всем. Дальше нужно было платить по кредиту, и молодые люди единодушно согласились, что на ближайшие три года как минимум работа встанет во главу угла. Фиона целиком и полностью согласилась, что кредит – это марафон; он потребует две полные зарплаты, так что каждый должен вносить свою лепту.

Всего через полтора года – после массивной психологической атаки, в которой простые уговоры грамотно перемежались истериками, – они начали попытки. Фиона забеременела почти сразу. И теперь ребенку понадобилась пристройка.

– Слушай, Фи, я не хочу с тобой сражаться, но мне правда нужно идти. У меня сегодня очень неприятные совещания, и я сейчас могу думать только о них.

– Да ради бога, – отозвалась она. – Мне-то что.

Вопросов она не задавала. Почему она больше не задавала вопросов?!

Им обоим пора было уходить. Фионе – в офис, где она работала графическим дизайнером. Джейкобу – в больницу; правда, он там не работал.

Глава четвертая

Эми

18 июля 1995

Пристегнув ремень, Эми покосилась на водителя. Он поймал ее взгляд, коротко, одними лишь уголками губ, улыбнулся и перевел глаза обратно на дорогу. Переключив передачу, он повел ладонью по ее бедру, сдвигая вверх подол школьной юбки. По спине у нее пробежал электрический ток.

Эми не привыкла к таким откровенным проявлениям внимания. Джейк все ходил вокруг да около, набираясь смелости, пока она сама от отчаяния не сделала первый шаг. Что ей было нужно – и в этом у нее не было никаких сомнений, – так это чтобы кто-то желал ее, чтобы кто-то просто сгорал от страсти к ней. Кто-то *сильный и властный*.

Он не отрывал глаз от дороги. Она разглядывала сжавшую ее колено руку: ногти обрезаны идеально ровно, точно по линейке, а из-под манжета рубашки выбиваются темные волоски.

Всего несколько недель назад он совершил для нее подвиг – как благородный рыцарь в сверкающих доспехах. Материализовался из ниоткуда и умчал от этого козла. Джейк уже пронесся мимо, крепко пристегнутый ремнем безопасности к заднему сиденью маминой машины. Подруги, увлеченные трепотней, ушли далеко вперед. И ей снова пришлось выносить эту пытку. Этого урода с его дурацкими мольбами. Она наорала на него и велела оставить ее в покое, и в итоге он отстал и поплелся назад, бормоча под нос ругательства и расшвыривая ногами валявшиеся на дороге камешки. От облегчения, смешанного со стыдом, ее плечи безвольно поникли, щеки обожгло слезами.

И в этот момент появился ее секрет. Прямо на подъездной школьной дороге. Высокий, уверенный. И шагал он прямо к ней.

– Что случилось? – спросил он, обнимая ее за талию и увлекая к выходу. – Как тебе помочь? – Он отвел упавшую ей на лицо прядь волос.

– Это мой отец, – ответила она и заревела.

– И что он натворил? – спросил он, ласково приподняв ей подбородок; теперь ее полные слез глаза смотрели прямо в его нахмуренное лицо. – Он тебя обижает?

– Нет, – всхлипнула она. – Нет, ничего такого. Это не тот отец, с которым я живу. Боб – мой отчим. – Она вытерла слезы кончиками пальцев. – А это мой настоящий отец.

– Ну, отцы вообще странные люди, их не поймешь. Ты ни в чем не виновата, ясно? Давай-ка я отвезу тебя домой, а по дороге ты мне все расскажешь. Договорились, Эми?

– Договорились.

Он открыл пассажирскую дверцу, и она упала на сиденье.

В тот день он к ней больше не прикоснулся. А она всю дорогу только об этом и мечтала.

Глава пятая

Алекс

8 сентября 2010

Алекс Дейл проснулась с затекшими ногами и липким от пота лбом. Одеядо забилося в щель между матрасом и стеной, хотя она не помнила, чтобы ночью пыталась его скинуть.

Она лежала на краю, ближе к двери. Сторона Мэтта.

Рядом, на свободном месте, расплылось мокрое темное пятно, источавшее резкий запах. Верх пижамы был на ней, штаны мокрым смятым комком валялись в ногах кровати. Как она их надевала и снимала, в памяти не отложилось.

Ей больше не было стыдно. Обычное дело – слишком привычное, чтобы вызывать какие-то эмоции. Пока соблюдаются правила, в ее постели не будет посторонних; можно не волноваться, что кто-то увидит ее позор.

Сорвать с кровати белье, выкинуть впитывающую пеленку, запихать все в стиральную машину, налить двойную дозу кондиционера и, не одеваясь, добрести до ванной и вытереть ноги полотенцем. Стандартная утренняя процедура. Выполняется на автопилоте.

Не давая себе времени на раздумья, она натянула спортивный костюм на еще влажное от пота тело, схватила бутылку с водой, засунула ключ от квартиры в лифчик и выбежала из дома.

Переставить правую ногу вперед левой. Потом левую вперед правой. Смогла один раз – сможет и в течение получаса.

В разгорающемся свете дня она стойчески бежала трусцой по узким тротуарам своего тихого квартала, пугая маленьких собачек, которые прыскали у нее из-под ног. Чтобы не наткаться на коляски, увешанные пеленальными сумками и прочим арсеналом, она спрыгнула на дорогу.

В ее послужном списке были все основные дистанции: пять, десять и полумарафон. На марафон она не посягала – это уже было бы кощунством. Марафон заслуживал трезвости и уважения. На забегах и утренних пробежках она продвигалась вперед медленно и упорно, соревнуясь лишь с собственным желанием остановиться. Ее имя упоминалось в результатах сотни раз. Женщины, взрослая группа. Александра Дейл, независимый участник.

* * *

Дома, после душа, она сделала на завтрак тосты с яйцами пашот. Обед будет жидким, ужин – крайне легким. Иногда ужином становилось то, что ей удавалось оторвать от чего-то лежащего в холодильнике и, шатаясь, донести до рта.

* * *

В 10:20 утра она на своем «поло» заехала на парковку Королевской больницы Танбридж-Уэллса и заняла место в самом дальнем углу, под сенью старого дуба. Не выходя из машины, открыла сумочку, и вырвавшийся наружу запах дорогой кожи приятно зашекотал ноздри.

Сейчас она уже неплохо себя контролировала. Два года назад, после развода, она чувствовала себя так, словно ее выбросили из мчащегося поезда прямо на пути. И на этих путях она пролежала три или четыре недели.

Несколько приступов транжирства уничтожили последние сбережения, после чего она наконец взяла себя в руки. Впрочем, из-за этой сумочки от Chloe Paddington, спьяну купленной в Net-a-Porter, она расстраивалась не сильно: сумочка была шикарная.

Она наклонилась к себе зеркало заднего вида и, взглянув на землисто-серое отражение, посерела еще больше. Втерла в уставшую кожу хорошую порцию увлажняющего крема, нарисовала приличный цвет лица. На заострившиеся скулы наложила розовые румяна, на веки – розово-коричневые тени. Зеркало должно поверить, что у нее выразительный, искрящийся взгляд, а не черные дыры вместо глаз.

Блеск для губ, пудра и подводка. Теперь можно приступать к работе.

* * *

– Алекс, спасибо за ваше терпение. Простите, что встреча два раза отменялась.

«Не два, а пять», – подумала она, с приветливой улыбкой пожимая руку доктора Хейнса. Вот такие руки должны быть у настоящего врача: прохладные и мягкие.

– Ничего страшного. Я знаю, что вам трудно найти время.

Ведущий эксперт по вегетативным состояниям мягко прикрыл дверь и указал на потерятое кожаное кресло перед заваленным бумагами столом.

Алекс села и тут же подскочила: из дыры в обивке с трубным звуком вырвался воздух.

Кабинет доктора представлял собой офисный вариант комнаты подростка. В углу на скособоженном стуле на колесиках возвышалась гора из скомканной и брошенной одежды. На краю полки, разинув пустой зев, опасно балансировала CD-магнитола. По стенам висели награды и сертификаты, но перекошенные рамки сводили на нет весь эффект.

На столе из темного дерева разместился пыльный ноутбук со спутанным проводом и фотография в рамке. Лицевую сторону видно не было. Бесчисленные стопки бумаг, пошатываясь, громоздились друг на друге, точно возведенные пьяными строителями небоскребы.

Спохватившись, что доктор сидит и ждет, пока ей надоест глазеть, она поспешно начала заготовленную речь:

– Доктор Хейнс...

– Просто Питер.

– Хорошо, – улыбнулась она. – Итак, Питер, из больницы мне любезно прислали вашу биографию. Ну и я, конечно, читала о вашей работе. Но хотелось бы знать, что привлекает вас именно в этой области медицины?

Доктор со вздохом откинулся на спинку такого же, как у Алекс, потертого кожаного кресла. Несколько секунд он, глубоко дыша, пристально смотрел ей в глаза, затем медленно поднял руки и заложил их за голову.

Она знала, что ему сорок один, но выглядел он старше. Под глазами в красных прожилках протянулись глубокие борозды. Веки полупрозрачные, сизовато-серые. Волосы – и не прямые, и не кудрявые; казалось, на голове у него, подобрав лапки, устроилась морская свинка.

– Дело в том, Алекс, что для меня работа – это не совсем область медицины; я скорее исследую людей. И это очень важно. Люди – это очень важно. Невозможно стать настоящим врачом, не научившись ценить человеческую жизнь.

Она понимающе кивнула и жестом предложила ему продолжать.

– То, чем я сейчас занимаюсь, – нечто удивительное. Это настоящий вызов нашим привычным представлениям о грани между сознательным состоянием и бессознательным.

Его лицо, на котором во время этой короткой речи возникали какие-то нелепые ужимки, разгладилось. Доктор опустил руки на исцарапанный стол, сцепив пальцы.

Наверно, отрепетировал заранее, подумала она. Впрочем, не важно: лишь бы было что цитировать. Потом можно будет плавно перевести разговор на Эми Стивенсон.

– С пониманием механизмов мышления дела у нас обстоят неважно. И я не имею в виду психологию: речь о банальной физиологии мозга, о том, как он управляет нашим сознанием, поведением, способностью к общению! Наука еще столького не знает – но, если кто-то утрачивает способность общаться привычным для нас способом, он оказывается вне общества.

Теплый огонек в его глазах погас. Доктор обессиленно откинулся на спинку кресла, глядя сквозь Алекс куда-то в сторону двери.

– Это правда, что в сорока процентах случаев диагноз «вегетативное состояние» ставится неверно? – спросила она: пусть видит, что она подготовилась.

– Ох уж эти цифры! Вы, журналисты, просто помешаны на цифрах, которые можно вставить в заголовок. – Он пренебрежительно отмахнулся. – Мы не знаем. Точно можно утверждать лишь, что многие из тех, кого до сих пор считали, так сказать, «овощами», на самом деле проявляют признаки высшей нервной деятельности. Может, их двадцать процентов, а может, и больше. У всех свое мнение; на каждого ученого, уверенного в цифре «двадцать», найдется тот, кто вообще отвергает саму идею.

– Очень интересно, как вы замечаете эти признаки? Вы говорили, что они умеют общаться, но только не тем способом, к которому мы привыкли. И как же они это делают?

– Ну, поскольку они способны мыслить, то хотят как-то свои мысли выражать. Тут можно провести аналогию с локальной компьютерной сетью. Вам знакомо это понятие?

– Да, – ответила она в надежде, что ее смутных представлений о локальных сетях будет достаточно.

– Отлично. Итак, в локальной сети циркулирует некая информация. Пусть это будут мысли или воспоминания – не важно. Вы можете работать с ними, но не можете отправить их наружу, за пределы сети. Информация ходит, образно говоря, по кругу.

– Понятно.

Доктор помедлил.

– Да? Хорошо. Так вот, у этих больных в голове тоже имеются данные. Воспоминания и мысли, которые бегают по локальной сети. Вот только поделиться этими мыслями, вырвать их из замкнутого круга они не могут. Поэтому мы должны – позвольте мне провести такую несколько натянутую аналогию – хакнуть эту сеть и заставить ее работать на нас.

– И как вы это делаете?

– При помощи сканирования мозга – как правило, МРТ-сканерами. Сначала мы исследуем мозг в состоянии покоя и смотрим, какие участки подсвечиваются. Обычно таких участков очень мало. А потом мы просим мозг выполнять действия – представлять и вспоминать. Что-то совсем простое, доступное даже очень слабо функционирующему сознанию, располагающему лишь обрывками воспоминаний из повседневной жизни. Некоторых пациентов – особенно молодых, которые находятся в таком состоянии недавно, – мы просим представить, как они занимаются спортом, например – играют в теннис.

– И это у всех получается?

– К сожалению, нет. Очень печально видеть на экране темноту. Но зато вы не представляете, какая это эйфория, когда мозг так называемого вегетатика активизируется и начинает представлять, вспоминать и стремиться к взаимодействию. Вот ради чего я этим занимаюсь, Алекс!

– А вы можете как-то прочесть их мысли и воспоминания? Или просто отмечаете реакцию на раздражители?

– А вот тут начинается самая увлекательная часть, особенно для родственников. Когда мы определили функционирующие участки мозга и научились вызывать в них отклик, мы начинаем задавать вопросы. Мы просим пациента представить, как он играет в теннис, если ответ «да», или лежит в теплой воде, если ответ «нет». То есть, по сути, мы можем беседовать с пациентами, пусть и на самом примитивном уровне.

– Потрясающе! И что, все пациенты, у которых есть функционирующие участки, могут так общаться?

– К несчастью, нет. Таких лишь единицы. Но чем дальше мы продвигаемся в изучении этой коммуникации, тем больше у нас шансов помочь и остальным.

Чувствуя, что «уплывает», она до крови закусил губу.

– Питер, я бы хотела спросить об одной вашей пациентке. В прошлый раз, когда я заходила в палату, я заметила Эми Стивенсон.

Она бросила на него быстрый взгляд, пытаясь понять реакцию, но лицо доктора оставалось бесстрастным.

– Мы с ней одного возраста, – продолжала она. – И я тоже здесь выросла. Сейчас я живо вспоминаю историю с ее похищением, хотя все эти годы – стыдно признаться – ни разу о ней не думала.

– Это вполне естественно, – вставил доктор. – Жизнь идет вперед, оставляя таких пациентов позади. По-другому, вероятно, быть не может.

– Ну да, наверно... В общем, после прошлого посещения я все думала об Эми и ее трагедии и решила написать о ней статью. И теперь мне хотелось бы побеседовать на эту тему с вами или с медсестрами.

Она затаила дыхание в ожидании ответа.

– В принципе это возможно, – ответил доктор и замолчал, глядя на дверь. – Хотя многие вещи мы просто не имеем права рассказывать, – продолжал он. – Мы должны соблюдать врачебную тайну в отношении любых пациентов.

– Но я не гоняюсь за сенсациями и не позволю себе проявить неуважение к ее семье. Кстати, у вас есть координаты родителей Эми? Хочу поговорить и с ними тоже.

Доктор взглянул ей в глаза.

– У Эми нет семьи, – ответил он с ноткой иронии, склонив голову набок.

Алекс разочарованно откинулась на спинку кресла. А она-то надеялась, что персонал отделения станет связующим звеном и поможет ей найти родственников!

– Но я же помню, как ее маму показывали по телевизору. Что с ней случилось?

Доктор вдруг встал, и его кресло пронзительно скрипнуло колесиками.

– Она давно умерла. Вскоре после трагедии – через год, может быть.

– О боже... мне так жаль... – пробормотала она, выражая соболезнования неизвестно кому. – А где ее отчим?

– Не имею понятия. Но вам бы сильно хотелось жить там, где вас обвинили в покушении на убийство собственной падчерицы? – без обиняков ответил доктор.

И он, конечно, был прав: мало кому удастся сохранить брак, потеряв ребенка, а уж в такой-то ситуации тем более.

– Тогда не могли бы вы передать мои координаты ближайшему родственнику? – спросила она, роясь в сумочке в поисках визитки.

– У Эми нет ближайших родственников. Она находится на попечении больницы и – с недавних пор – местных властей.

Чем дальше, тем хуже... у нее сжалось сердце: как же так, ведь Эми была нормальной, здоровой девочкой, которая всего лишь возвращалась из школы домой!

– Господи, какой кошмар! – вырвалось у нее. – Хотя у вас, наверно, иммунитет к таким вещам выработался.

Доктор уже продвигался в сторону двери, явно размышляя о работе, но тут он остановился и с некоторой обидой воскликнул:

– Я сомневаюсь, что такой иммунитет вообще возможен! У меня, по крайней мере, его нет. Иногда мне по целым неделям хочется сидеть взаперти в своем кабинете и никого не

видеть. Но тут нельзя давать себе волю, иначе полноценной работы не получится. Мне думается, у репортеров все примерно так же, с психологической точки зрения.

Алекс хотела возразить, что она, в общем-то, не репортер, но промолчала.

– Вот что я точно имею право рассказать вам об Эми, – продолжал он. – Она дышит самостоятельно, ее не кормят через трубку, и у нее восстановился цикл сна и бодрствования. Кроме того, зафиксированный нами уровень мозговой активности доказывает, что Эми вовсе не «живой труп», как ее радостно окрестили в свое время газетчики.

– А она проходила ваш теннисный тест? – спросила она, продолжая делать записи в блокноте.

– Мы пытались его провести, – слегка нахмурился доктор. – Было ясно, что она может представить то, о чем просят. Но мозг реагировал нестабильно, и в итоге у нее началась сильная паника. Взять у нее интервью по МРТ-сканеру не получится, если вы на это намекаете. По крайней мере, не сейчас, пока она в таком состоянии.

– Что вы, я совсем не имела это в виду! То есть было бы, конечно, потрясающе, но я все прекрасно понимаю. Не получится так не получится.

– Не получится, – с нажимом повторил он. – У нас теперь есть волонтеры, которые приходят и сидят с пациентами. Просто говорят с ними. И на Эми это как будто отражается благотворно. Но, учитывая тяжесть перенесенной травмы, тестов мы с ней больше не проводим. Не стоит форсировать события: это может привести к шоковому состоянию. А тот факт, что у нее нет родственников, тоже не облегчает положение.

На поясе у доктора что-то резко и настойчиво зажужжало.

– Извините, Алекс, меня ждут в другом отделении. – Огромное спасибо, что уделите мне время! Я сообщу вам, когда выйдет статья.

На прощание она снова пожала идеально сухую и гладкую руку доктора, гадая, читает ли он вообще газеты и прочтет ли ее статью об Эми. Если статья, конечно, выйдет. Если она ее, конечно, напишет.

Хейнс убежал, и она, не давая себе времени на раздумья, двинулась в противоположную сторону. В палату к Эми.

Вырвавшись из хитросплетения узких проходов, она попала в главный коридор. Под ногами скрипели сверкающие полы, ноздри щекотал химический запах антисептика для рук. Подумать было страшно, сколько здесь сейчас больных, наполняющих кашлем и стонами этот теплый спертый воздух.

На подходе к внушительным дверям «Голубой лагуны» она выдавила на руки большую блямбу густого, как кетчуп, антисептического геля и старательно растерла его между ладонями.

Потом толкнула дверь, прошла мимо пустующей стойки регистрации и на цыпочках приблизилась к сестринской комнате. Дверь была открыта; она вежливо постучала и стала ждать, пока медсестры закончат разговор. Внутри болтало радио, бодрым голосом докладывая последние местные утренние новости: об аресте находящегося в розыске насильника, о результатах школьного сбора средств, о планируемом окончании затянувшихся дорожных работ на шоссе A21.

Прошла минута, и она постучала снова. Тишина. Наконец – она уже занесла руку, чтобы постучать в последний раз, – из кабинета вышла медсестра.

– Ой, извините. Что же вы не постучали? – спросила она, глядя прямо на ее разжимающийся кулак.

Алекс попыталась заглянуть внутрь в надежде увидеть старшую сестру, с которой говорила в прошлый раз, но той, очевидно, не было на месте.

– Наверно, мы с вами еще не встречались. Меня зовут Алекс Дейл, я журналистка. Я уже приходила раньше: я пишу статью о работе доктора Хейнса.

– Я Джиллиан Рэдсон. Мне не говорили, что сегодня у меня тут будут журналисты, – поджала губы медсестра.

– Ну, я просто брала интервью у доктора Хейнса, и он разрешил написать также об одной из ваших пациенток, Эми Стивенсон.

– Да? Я должна уточнить у него.

– Конечно. А пока... скажите, можно мне посидеть с Эми?

– У нее сейчас посетитель.

Алекс попыталась разглядеть, что происходит в угловом боксе, но мешали колонны, которые все стояли не там, где надо.

– Я думала, у нее нет родственников, – заметила она.

Сестра Рэдсон плотнее запахнула кофту и сложила на груди полные, гладкие руки.

– Он не родственник. Он просто сидит, – ответила она и, заметив отразившееся на лице Алекс непонимание, со вздохом прибавила: – Волонтеры. Они приходят, чтобы посидеть с пациентами.

– А, понятно. А можно с ним поговорить? – Распахнув пошире воспаленные глаза, Алекс постаралась изобразить наивный взгляд.

По всему ощущалось, что ответ будет «нет» и что лишь необходимость соблюдать приличия не дает медсестре послать ее подальше.

– Подождите здесь, – снова вздох. – Я пойду спрошу.

Сестра зашагала к угловому боксу. Абсолютно асексуальная форма в синюю полосу плотно облегла шарообразную фигуру.

Алекс незаметными шажками двинулась в ту же сторону, пока в поле зрения не появились шторы углового бокса. В просвет внизу было видно, как по полу постукивает нога в мужском ботинке.

Медсестра отдернула шторку. На кровати, держа Эми за руку, сидел высокий светловолосый парень в голубой толстовке с бейджиком посетителя на шее. Он резко выпустил руку Эми; медсестра, наклонившись к его уху, начала что-то говорить, и потом они оба синхронно глянули на Алекс, которая старательно изображала невозмутимость. Через минуту сестра вернулась.

– Извините, но он не хочет с вами беседовать, – заявила она, неодобрительно покачивая головой: похоже, размышляла, не написать ли жалобу на то, что Алекс сдвинулась с исходной позиции. – Он говорит, что это личное.

– Позвольте мне сказать буквально пару слов – я объясню, что он может дать интервью анонимно, – не сдавалась Алекс.

– Нет. Послушайте... – Сестра сделала глубокий вдох, явно еле сдерживая раздражение. – К сожалению, это невозможно. Он хороший человек. Тратит здесь свое свободное время по доброте душевной, – произносила она медленно, чеканя слова. – Он уже дал ответ; я не собираюсь злоупотреблять его добротой и не позволю, чтобы ему докучали.

Понимая, что настаивать дальше бесполезно, Алекс попросила сестру передать волонтеру ее визитку на случай, если он передумает, и выскользнула из палаты. Скоро полдень, и ей уже пора домой.

Глава шестая

Джейкоб

8 сентября 2010

Его сердце испуганно подпрыгнуло. Он, конечно, чувствовал, что сидит у Эми уже слишком долго, но эта пронырливая медсестра все равно застала его врасплох, когда со всей дури рванула шторку.

А он как раз держит Эми за руку, хотя с другими пациентами такого обычно не делает; остается надеяться, что это не сильно бросается в глаза.

Джейкоб с невозмутимым видом расплел пальцы и выпустил тонкую кисть, которая, не распрямившись до конца, легла на постель ладонью вверх.

Сестра Рэдсон, по обыкновению, производила слишком много шума.

– Я прошу прощения, что прерываю, но тут одна журналистка хочет с вами побеседовать, – выдохнула она.

Он все еще не пришел в себя от неожиданного вторжения.

– Журналистка? Побеседовать со мной? С чего это вдруг?

– Не волнуйтесь, – успокоила медсестра. – Она пишет статью о докторе, и вот заинтересовалась этим случаем. Хотела даже посидеть с Эми, но я сказала, что тут вы. И тогда она захотела с вами поговорить.

Они оба, не сговариваясь, посмотрели на журналистку.

К такому повороту он был совершенно не готов и теперь беспомощно глядел на сестру, ожидая какого-то совета.

– Ничего страшного, вы не обязаны с ней говорить! Я ее прогоню, – улыбнулась она.

– Никто не знает, что я здесь бываю, – заговорил он, запинаясь. – Волонтерство – это личное... Честно говоря, я тут работу прогуливаю, и если начальство узнает...

Уголки ее губ слегка дернулись; сестра Рэдсон повернулась и зашагала к журналистке.

Глядя, как ее внушительные ягодицы поочередно ходят вверх-вниз, точно поршни в двигателе, Джейкоб наконец перевел дух. Поднявшись с кровати, он тихо и аккуратно задвинул шторки до конца. Снова сел, взял тоненькую руку и прижал к лицу прохладную ладонь.

Закрыв глаза, он молча – все было уже сказано – вдыхал ее едва уловимый аромат. Потом легонько коснулся губами тонкой, как папиросная бумага, кожи и осторожно положил руку Эми на живот ладонью вниз.

Проведя ладонью по ее свежепричесанным волосам и проглотив комок в горле, он вышел и, щурясь, остановился на пороге.

Он уже собрался уходить, но вспомнил, что нельзя заканчивать на Эми. Она была седьмой из девяти, а напоследок у него оставались два пациента у самых дверей.

Оптимальный вариант. У пациента номер восемь – Клода Джонсона, шестидесяти двух лет, – была необычайно преданная жена. В девяти случаях из десяти она сидела у постели мужа и, держа его багрово-красные руки в своих, пересказывала последнюю серию «Корнейшн-стрит» или, закатывая глаза, судачила о соседях. Джейкоб каждый раз предлагал сменить ее, чтобы она могла отдохнуть, но миссис Джонсон неизменно отказывалась.

Ну а с пациенткой номер девять – Наташей Кэрролл – было очень приятно посидеть перед уходом. В свои сорок два она все еще блистала красотой. Золотистые волосы расчертили тонкие, искрящиеся на солнце серебряные ниточки.

Наташу перевели сюда из интенсивной терапии всего несколько лет назад. Он хорошо помнил тот день; когда она появилась, он сидел с Джоан Ривз, которой теперь нет в живых.

Они с Фионой только-только вернулись из свадебного путешествия, и на фоне лиловато-белой кожи Джоан его не успевшие побледнеть загорелые руки смотрелись диковато.

Присев на стул у постели Наташи, он поставил купленную в автомате бутылку «Доктора Пеппера» на маленькую тумбочку из букового дерева. На дне болталось еще с дюйм теплой коричневой жидкости, но допивать ее не хотелось.

Наташу немного повернули на бок. Колени смотрели в сторону стула, раскрытые глаза дышали покоем. Золотистые волосы, слегка примятые на затылке, волнами обрамляли лицо и спадали на шею. В струящемся сквозь окно солнечном свете она походила на Мадонну с церковного витража.

– Привет, Наташа, – поздоровался он вполголоса и небрежно задернул шторку, нарочно оставив просвет: пусть медсестра видит, как непринужденно он себя ведет.

Иногда он знал о пациентах больше, чем хотел, в основном из рассказов их осиротевших спутников жизни. А о ком-то – в том числе о Наташе – не знал почти ничего.

В пастельно-белом больничном окружении она выглядела абсолютно безмятежной. Под халатом из кашемира (или чего-то очень на него похожего) виднелась шелковая пижама – одна из пар-близнецов, которых, как он знал, у нее было несколько.

За эти годы он перевидал много пациентов. У некоторых лицо было переполнено страданием – как у горгулий, отражающих в своих гримасах всю боль этого мира. Но Наташа походила на довольную, сытую домашнюю кошку, уверенную в том, что ей не грозит никакая опасность.

Он ни разу не встречал у нее посетителей. Лишь на тумбочке у кровати изредка появлялась ваза с букетом шикарных и по виду очень дорогих цветов, да в день рождения вырастала грозная обвалиться стопка поздравительных открыток.

Приглушенным, привычно монотонным «больничным» тоном он рассказывал Наташе про живот Фионы и свою работу. С ней можно было беседовать на темы, никогда не поднимавшиеся в разговоре с Эми.

Он перечислил имена для ребенка, которые сейчас нравились Фионе (Арчи или Гарри, если будет мальчик; Мэй или Элви, если девочка), и кошка-Наташа как будто свернулась клубочком и замурлыкала. Время летело незаметно. Он все говорил и говорил, глядя в ее кроткое, безмятежное лицо, и накопившееся за утро напряжение постепенно отступало.

Первый час. Пора бежать. Улыбнувшись Наташе на прощание, он залпом допил остатки «Доктора Пеппера» и шагнул к гулкому желтому мусорному баку. Откинул крышку, бросил бутылку внутрь – та стукнула о дно.

На шум примчалась сестра Рэдсон в развевающейся кофте.

– Джейкоб! Хорошо, что я вас застала! – воскликнула она, отдуваясь, и замолчала на несколько долгих секунд, с заговорщицкой улыбкой глядя на его нахмуренное лицо. Потом сунула ему карточку – острые края впились во вспотевшую ладонь. – Та журналистка оставила вам свою визитку. Похоже, ей очень хочется, чтобы вы передумали насчет интервью.

– Ясно. Ну, увидимся через неделю.

Джейкоб с усилием толкнул тяжелые двойные двери и вышел. В коридоре он разжал пальцы и посмотрел на визитку, пестрящую черными, жирными, слегка рельефными буквами.

АЛЕКСАНДРА ДЕЙЛ

журналист-фрилансер

Тел.: 07876 070866

E-mail: alexdalewrites@gmail.com

TN2 2YD Ройал-Танбридж-Уэллс, Аксминстер-Роуд, 15

Глава седьмая

Эми

18 июля 1995

Закусив губу, она почувствовала остаток вишневого привкуса. Взглянула на него исподлобья, сквозь упавшие на лицо волосы. Школьная форма осталась на ней, оттянутые в сторону трусики больно врезались в кожу. Между ног – неведомое прежде жжение. Пальцы пахли резиной и потом. Бедрa щекотало пушистое одеяло.

Никаких сомнений – это самый ужасный поступок за всю ее жизнь. Самый подлый. И самый тайный.

Бедный Джейк, он этого не заслужил! Милый, доверчивый мальчик, совсем еще ребенок – и она наказала его за то, что он не вел себя с ней, как с настоящей женщиной. Теперь с ней обращались как с настоящей женщиной. Но ей это не нравилось.

У нее перехватило дыхание: в коридоре слышались тихие шаги босых ног. В щели под дверью показалась и исчезла тень, потом где-то скрипнули матрасные пружины. Она испуганно взглянула на него, ожидая объяснений.

– Не волнуйся, – заговорил он своим низким, протяжным голосом. – Остальные еще не скоро вернутся.

Эми резко села, сдвинув колени:

– Я думала, мы будем одни!

– Не переживай. – Он улыбнулся. – Он соображает, что к чему. Он нам не мешает.

Ее секрету в этой комнате было совсем не место. На шкафу – обтрепанная коробка с «Лего», в изголовье кровати – постер из «Звездных войн» в рамочке. Идеальный порядок, и сладко пахнет чем-то вроде мускуса, а теперь еще и немного свежим потом.

Она со вздохом поднялась с кровати и разгладила юбку. Ну, вот это и произошло. Наконец-то. Но теперь ей больше всего на свете хочется к маме. Хочется принять душ и еще немножко побыть ребенком.

– Мне надо домой, а то родители будут ругаться.

– Тогда поехали.

– Нет, все нормально, я лучше прогуляюсь.

– Нет, Эми. – Он покачал головой. – Давай-ка лучше я тебя подвезу.

Глава восьмая

Алекс

8 сентября 2010

В 12:28 она припарковалась у своего типового домика: две спальни наверху, гостиная и кухня внизу. Она ужасно, невыносимо опоздала. Ноги дрожали, в глазах и в горле пересохло от попыток сосредоточиться в неестественно дневном свете больничных ламп.

Малиновая входная дверь была совсем рядом, но колени путались в подоле черного платья, и каждый шаг по выложенной плиткой дорожке отдавался болью в лодыжках. Больше всего на свете она сейчас хотела окунуться в прохладный сумрак зашторенной гостиной.

Дом принадлежал ее матери, но Алекс здесь не росла. Мать вернулась в Танбридж-Уэллс из Испании после того, как в ее памяти наметились первые расселины, и впервые было произнесено слово «деменция» – шепотом, на ломаном, с придыханиями, английском.

Ей хотелось оказаться на родной земле. Жить рядом с больницей, название которой она сможет выговорить. Ходить по знакомым улицам и бульварам, на которых – как ей казалось – невозможно будет заблудиться, независимо от того, насколько далеко все пойдет.

Очень быстро все зашло слишком далеко.

Алекс переехала сюда за несколько месяцев до конца, когда слабоумие уже прогрызло в ее матери огромные дыры. Мэтт оставался в их съемной квартире на юге Лондона, а она наблюдала, как мать выворачивает наизнанку. Других родных у нее не было. Когда мать отвезли умирать в хоспис при больнице, Алекс последовала за ней. Хронику событий опубликовали в еженедельной колонке в «Санди таймс мэгэзин» – «Я теряю маму». Самые глубокие, самые сокровенные страдания обернулись самым крупным в ее жизни гонораром.

Когда матери не стало, Мэтт переехал к ней, и они попытались превратить жилище в Танбридж-Уэллсе в свой дом.

Оставить Лондон было проще простого – по крайней мере, для нее. Она жила в столице только потому, что там базировались редакции газет, и не испытывала к этому городу никакой привязанности.

А вот Мэтту лондонская жизнь нравилась. Нравилась работа в городской полиции, постоянный круговорот преступлений и наказаний. Он наслаждался анонимностью в людском муравейнике, где его не знал никто, кроме соседей и коллег.

Продать дом Алекс так и не решилась. Дом был единственным, что осталось от матери, – кроме немногочисленной одежды да горсточки драгоценностей. За несколько лет до того, перед отъездом в Андалусию, она избавилась от всего лишнего.

Возврат в Англию и покупка этого дома стали последним серьезным решением, которое приняла ее мать. Последним решением, которое она вообще в состоянии была принять. Невозможно было просто взять и все это перечеркнуть – по крайней мере, пока.

Максимум, на что отважилась Алекс, – это косметический ремонт на часть унаследованных денег. Мэтт безо всякого удовольствия, но покорно подчинился.

Не прошло и шести недель, как он вернулся в Лондон. Она изучила все статьи об Эми, которые смогла найти на микрофильмах, а потом распечатала и рассортировала по темам. Ужасно много было официальных заявлений, повторяемых слово в слово в разных газетах, но, даже когда она убрала дубликаты, вырезки за первые две недели после пропажи Эми забили целую коробку.

Daily Mirror
20 июля 1995

ПРОПАВШУЮ ДЕВОЧКУ- ПОДРОСТКА МОГЛИ ПОХИТИТЬ

В Эденбридже, графство Кент, десятки местных жителей вышли на поиски пятнадцатилетней Эми Стивенсон, ученицы Эденбриджской средней школы, которая во вторник не вернулась домой после учебы.

В девять вечера родители Эми – тридцатичетырехлетняя Джо и тридцатитрехлетний Боб – подняли тревогу, однако в полиции ответили, что девочка, скорее всего, сбежала из дома.

Джо и Боб заявили нашему корреспонденту, что их дочь – благополучный ребенок и никогда не стала бы сбежать. Кроме того, вся ее одежда и личные вещи остались на месте.

К утру Эми так и не появилась в доме по Уорлингэм-Роуд, Эденбридж, и полиция начала поиски.

Появляется все больше опасений, что девочку могли похитить. Полиция просит откликнуться всех, кто 18 июля, с 15:30 до 16:30, видел Эми в обществе мужчины, женщины или нескольких взрослых.

Ее рост – 5 футов 4 дюйма. Телосложение стройное. Волосы – длинные, каштановые, глаза голубые.

Эми была одета в темно-синюю юбку, белую блузку с короткими рукавами и черные туфли на танкетке. С собой у нее был черный нейлоновый рюкзак «Kickers» с резиновыми вставками. В последний раз ее видели с повязанным вокруг талии темно-синим форменным джемпером с эмблемой Эденбриджской средней школы.

Если вы стали свидетелями похищения Эми или заметили что-либо подозрительное в Эденбридже и окрестностях, звоните по телефону горячей линии: 0800 555 111.

Поначалу о родителях Эми писали как о едином целом, но через день-другой Боб уже превратился в «отчима».

«Виноват всегда отчим, – говорил ей как-то прокуренный до желтизны новостной редактор. – Это нерушимый факт, как смерть или налоги. Детей похищают отчимы, квартиры грабят родственники и знакомые, а трупы находят те, кто вышел погулять с собакой».

The Times

22 июля 1995

ОТЧИМ АРЕСТОВАН ЗА ПОКУШЕНИЕ НА УБИЙСТВО ПАДЧЕРИЦЫ

Роберт Стивенсон, отчим Эми Стивенсон, был арестован для допроса по делу об исчезновении падчерицы. Это случилось вскоре после того, как в лесу в окрестностях Эденбриджа обнаружили девушку в бессознательном состоянии.

Полиция еще не выступила с официальным заявлением, однако, по сообщениям некоторых источников, это и есть пропавшая Эми.

Тридцатитрехлетний мистер Стивенсон сам принимал участие в поисках. Говорят, когда девушку нашли, он был менее чем в ста метрах от нее.

Сотни заметок на тему ареста. От правоцентристских авторских колонок, язвительно разглагольствующих о приемных родителях и моральном разложении британского общества, до малоубедительных анонимных интервью с некими соседями – якобы очевидцами, которые чуть ли не открытым текстом заявляли: «Виновен!»

The Star

25 июля 1995

ОТЧИМ ЖЕРТВЫ ТРАГЕДИИ УДАРИЛСЯ В БЕГА

Роберт Стивенсон, отчим Эми Стивенсон и главный подозреваемый в деле о ее похищении, скрылся в неизвестном направлении после того, как был отпущен полицией...

В течение месяца поток статей практически сошел на нет. За последующие пятнадцать лет заметок набралось примерно столько же, сколько за первые две недели.

The Sun

14 августа 1995

ОТЧИМ НЕ ВИНОВЕН В ПОХИЩЕНИИ

В рамках расследования по делу о произошедшем месяц назад похищении и изнасиловании пятнадцатилетней Эми Стивенсон полиция заявила, что с отчима девочки, Роберта Стивенсона, сняты все подозрения.

Этот неожиданный поступок правоохранительных органов был сделан на фоне опасений, что возможные свидетели, будучи уверены в виновности мистера Стивенсона, не обратятся в полицию...

Ей вспомнился посвященный Эми выпуск передачи «Crimewatch»¹. К тому времени дело уже кануло в Лету.

Программу они смотрели вместе с матерью, и та не преминула заметить, что была совершенно права, с раннего детства приучая дочь опасаться посторонних. «Почему эта девочка повела себя так необдуманно? Невозможно просто взять и испариться среди бела дня; нет, Александра, вот что я тебе скажу: она точно пошла с кем-нибудь», – заключила мать, отхлебнув свой виски-сауэр.

* * *

Она выставила на полированный белый буфет стакан и бокал. Стакан до самых краев наполнила водой из бутылки. В бокал налила отмеренное с точностью до миллилитра бодрящее охлажденное шабли. Вернула тяжелую бутылку с толстым дном на дверцу холодильника, в компанию еще к пяти таким же.

Этим утром, аккуратно записывая дела на день, она решила, что сначала выпьет только одну порцию.

Потом поднимется в спальню, к городскому телефону – стационарному и без радиотрубки. Так хотя бы во время разговора она не сможет налить себе еще.

Она остановилась у своей «белфастовской» раковины и размеренными глотками, точно лекарство, выпила вино.

¹ Телевизионная передача о нераскрытых преступлениях.

Неторопливо прошла к столу, на котором царил идеальный порядок, взяла блокнот и ручку. Еще одну ручку про запас. И, бесшумно ступая, начала подниматься по лестнице.

Холодная пустота сизо-серой спальни поразила ее, хотя с утра здесь, разумеется, ничего не изменилось. От волнения и вина подгибались ноги, и она тяжело плюхнулась на полосатый матрас.

В блокноте жирными черными цифрами был аккуратно выведен мобильный номер Мэтта. Числа она запоминала плохо, а из телефона этот номер уже давно удалила, но теперь умудрилась найти его в их общем старом медицинском полисе.

На самом деле это был шанс доказать, что она справилась. Что все под контролем, и дела у нее идут все лучше и лучше. Но больше всего ей просто хотелось вновь услышать его голос.

Желудок сжимался от страха, пока она нажимала кнопки на допотопном аппарате. Один за другим последовали томительные гудки. Если он сейчас не ответит, она...

– Аллю!

В первую секунду у нее изо рта выходило лишь еле слышное сипение.

– Привет, Мэтт. Это Алекс, – выдавила она наконец. Каждое слово эхом отдавалось в трубке.

– О... привет, Алекс. Как ты?

– Хорошо, спасибо. Опережаю твой вопрос – я выпила всего один бокал, – пошутила она – возможно, чуть резче, чем хотела. На том конце провода послышался вежливый смешок, и она болезненно поморщилась.

Когда-то этот низкий, бархатный голос находился в ее полном распоряжении. Его можно было услышать в любой момент, стоило только захотеть. Прошло два с половиной года, и она скучала по Мэтту каждый день. Из двух главных любовей всей ее жизни он был той, что не вредила здоровью.

– Извини, что беспокою, но я подумала, ты можешь мне кое с чем помочь, – произнесла она бодрым четким голосом, как самый настоящий профессионал, хотя прекрасно знала, что Мэтт прекрасно знает: ее нижняя губа уже дрожит, а глаза наполнились слезами.

– Ну хорошо, давай. В чем проблема?

В его голосе пока вроде не слышалось особого недовольства – скорее любопытство. Земля и небо по сравнению с тем, когда она названивала ему по ночам после разрыва. В конце концов Мэтт вообще перестал брать трубку, и все ее рыдания, всхлипывания и заикающийся лепет доставались голосовой почтой.

– Ну, дело в том, что я пишу о пациентах в коме. Вернее, не совсем в коме, а... в общем, об «овошах», так сказать. Их мозг работает, но они не могут ни говорить, ни двигаться. При этом они не подключены ни к каким аппаратам искусственного поддержания жизни. Это называется хроническое вегетативное состояние. – Она судорожно глотнула воздух.

– А, ну да, я вроде об этом слышал. Мы что-то такое смотрели по пятому каналу пару месяцев назад.

Мы? Мы – это кто? Но теперь это не ее дело. Она больше не имеет права задавать такие вопросы. У нее защемило сердце; если бы этот чертов телефон был беспроводным, она бы сейчас сбежала вниз и опрокинула сразу вторую, третью и четвертую порцию подряд.

– О-о-о, мы, значит? – игриво спросила она, хотя тяжелые горячие капли уже катились по щекам и падали на колени.

Снова вежливый смешок, больше похожий на фырканье. Признание без слов.

– Ну так вот, когда я была в палате, то узнала там одну пациентку, Эми Стивенсон. Помнишь, о ней в новостях говорили? Девочка, на которую напали и похитили. А через несколько дней ее нашли в полумертвом состоянии. Она местная, но по национальному каналу тоже показывали. Мы тогда еще подростками были.

– Что-то такое смутно припоминается... но ко мнето все это какое отношение имеет? – вздохнул Мэтт. На заднем фоне хлопнула дверь.

Перед глазами возник образ матери. Руки в боки, брови насмешливо подняты. «Какое жалкое зрелище! – восклицает она, качая головой. – Ты должна уметь уйти вовремя, с гордо поднятой головой!»

Однажды Алекс уже обрезала эту пуповину. Сожгла все мосты – не только ради себя, но и ради него. А теперь вот взяла и вложила в рот дуло пистолета, предоставив Мэтту нажать на курок. Но спросить больше не у кого: все связи с его друзьями-полицейскими давно порваны. Только поэтому – убеждала она себя – она и звонит.

– Вообще-то это очень любопытный случай. Преступника так и не нашли. Сначала арестовали отчима, но потом отпустили. Мать умерла вскоре после происшествия. Эми в этом состоянии уже пятнадцать лет, а жизнь ушла вперед. Можно сделать отличную статью. Я не претендую на то, чтобы распутать дело; я знаю, что старые висяки почти никогда не раскрывают. Я просто хочу понять, в каком направлении копать. Может, откроются какие-то новые аспекты. – Она перевела дух.

– Но при чем тут я? – в голосе Мэтта прозвучало легкое нетерпение.

– Ну, у меня есть газетные вырезки тех лет, но было бы здорово взглянуть на дело глазами полиции. Главный следователь по делу вышла в отставку, найти ее не получается. И я подумала, что ты мог бы посмотреть материалы по делу. Поискать информацию, которая бы мне пригодилась. Ну там, возможные подозреваемые, которыми полиция не занималась плотно, или...

– Алекс, ты с ума сошла? Ты хочешь, чтобы я передал тебе конфиденциальные документы? Я же полицейский, меня за такое уволят, если не хуже! Ну ты даешь вообще.

– Извини, Мэтт, я ни в коем случае не хочу тебя подставлять. Я не прошу тебя передавать мне документы или еще что-нибудь.

– Но тогда чего же ты хочешь?

Она не знала. Похоже, она сильно переоценила желание Мэтта прийти ей на помощь. Как можно было ожидать, что он с готовностью выполнит любую просьбу? После всего того, что она ему устроила? От стыда у нее засосало под ложечкой; она по-прежнему думала о нем каждый день, по-прежнему мечтала видеть его рядом (когда ей вообще случалось мечтать) и вообразила, будто между ними существует некая связь. Но эта связь на проверку оказалась сугубо односторонней.

– Чтобы ты просто взглянул на дело глазами специалиста. Просто посмотрел. Это было много лет назад, и сыскное дело с тех пор шагнуло далеко вперед. Технологии тоже на месте не стояли. Вдруг тебе бросится в глаза что-то подозрительное.

Тут Мэтт неопределенно хмыкнул.

– Просто посмотри, Мэтт. Проверь, есть ли куда копать. Расскажешь только то, что можно, – если будет хоть что-то. А я буду держать тебя в курсе и ничего не отправлю в редакцию, не получив от тебя добро. Твое имя я не раскрою.

– Черт, Алекс! Слушай, все не так легко на самом деле. Нельзя вот так вот брать и просматривать следственные материалы, а потом рассказывать о них журналистам.

Журналистам. Она для него лишь журналистка. Ну да, естественно, передавать журналистам секретную информацию нельзя. А она уже было вообразила, как зарождается их профессиональный дуэт. Глупо. Прошлой ночью в пьяном угаре ей даже рисовались картины примирения. От этих воспоминаний ее передернуло: какая наивность! Разве он вернется после всего, что она сделала?

– Ладно, извини. Я просто не подумала. Облажалась. Разумеется, я не хочу тебя подставлять. Слушай... не надо говорить мне ничего такого, что еще не обнародовано. Но мне никогда не приходилось заниматься такими вещами, Мэтт. По большому счету я не репортер, ты же знаешь. Наверняка в открытом доступе лежит куча информации – возможно, даже ключ к

разгадке. Но я толком не знаю, что искать. Может, ты просто посмотришь, что у меня уже есть, и скажешь, если тебе что-то бросится в глаза?

– Может быть, – отозвался Мэтт после паузы.

– У тебя есть чем писать?

У него всегда была с собой ручка. *Раньше* была. «Монблан». Ее свадебный подарок.

– Ее зовут Эми Жанетт Стивенсон, – продолжала она. – Родилась двадцать восьмого февраля восьмидесятого года. Жила на Уорлингэм-Роуд в Эденбридже, графство Кент. Объявлена в розыск восемнадцатого июля девяносто пятого. Мать – Джоан Стивенсон, отец неизвестен. Отчим – Роберт Стивенсон. Когда нашли Эми, полиция его забрала, но потом отпустила. Газеты утверждают, что никого больше не задерживали, но я думаю, в радиусе тридцати пяти миль не осталось ни одного неохваченного педофила.

– Во всей Англии не осталось, – пробормотал Мэтт.

Было слышно, как он корябает ручкой по бумаге. В животе запорхали бабочки – несмотря на искусственность ситуации, ей приятно было концентрироваться на работе, обдумывать задачу. Приятно было говорить с Мэттом.

– Ладно, Алекс. Я посмотрю, что тут можно сделать. Слушай... помнишь, я сказал «мы»? Плавный переход! Не желает она об этом говорить.

– Все нормально, ты не обязан ничего мне объяснять.

– Я знаю, но лучше я тебе сам скажу. Не хочу, чтобы ты узнала об этом от других.

– От кого? Я ведь не общаюсь с твоими друзьями или родственниками. Я вообще ни с кем не общаюсь.

Но Мэтта было уже не остановить.

– Я женюсь, Алекс, – выпалил он. – Я женюсь, и у меня будет ребенок.

– От той, на которой ты женишься? – уточнила она. К горлу подкатил комок. Сердце разлетелось на тысячу кусков.

Снова это вежливое хмыканье.

– На самом деле я, конечно, очень рада за тебя. Поздравляю! Как ее зовут?

Она совсем, совсем не хотела это знать.

– Ее зовут Джейн, она офицер полиции. Мы вместе работаем. Так что... – Мэтт не договорил.

Так что она понимает.

– Так что она понимает, что значит ненормированный график, – подсказала Алекс.

– Ну да, вроде того.

– И когда ожидается прибавление?

– Через месяц. Это девочка.

– Мэтт, я правда очень, очень рада за тебя. Потрясающая новость. Поздравляю вас обоих! Ну что, тогда... у тебя есть мой номер? Или проще написать по почте, если что-нибудь найдется?

Чувствуя, что уплывает, она прочертила ногтями вверх по матрасу и вонзила их в ногу. Нельзя терять концентрацию.

– Да, твой мобильный у меня остался, – Мэтт ничего не заметил, – и электронный адрес тоже. Он не изменился?

– Никак не дойдут руки сменить его, хотя он, конечно, немного идиотский.

– Да нет, нормальный. Отражает действительность – «Алекс Дейл пишет».

– Собака джи-мейл точка ком.

– Собака джи-мейл точка ком. В общем, я буду на связи. Рад был тебя слышать, Алекс.

– Спасибо, Мэтт.

– Алекс...

– Да?

- Как у тебя с... как твои дела? Как ты справляешься? Ходишь на консультации?
- Мэтт, за меня не волнуйся, ладно?
- Ладно.

* * *

Она положила трубку, и та коротко звякнула в ответ. Повалившись на кровать, она судорожно вцепилась в голое, без пододеяльника, одеяло; она тянула и тянула, пока не закрыла себя всю, с ног до головы. Ребенок. У него будет ребенок. От новой жены. Здоровый ребенок от нормальной, хорошей жены. Это все, чего он хотел, хотя и никогда не признавался.

Завернувшись в одеяло так, что не осталось ни единой щелочки, она лежала, словно в материнской утробе. Плакала, тряслась, глотала слезы. Выла. Извивалась, корчилась, пытаясь выдавить из себя эту боль. Потом затихла.

Ее тошнило. Сорвав с лица одеяло, она обессиленно сползла с шершавого матраса, загребая руками, как мультяшный герой, выбирающийся из зыбучих песков. Она решительно не хотела думать про Мэтта, его новую жену и ребенка. Но это было неизбежно.

Тени заметно удлинились. Который час? Сколько прошло времени?

Она направилась в ванную. Сходила по-маленькому, до скрипа отмыла лицо недешевым средством для умывания и торопливо сбежала вниз по лестнице. Ее ждали стакан и бутылка. И другая бутылка, рядом с начатой. И еще хренова туча бутылок.

Глава девятая

Джейкоб

8 сентября 2010

Он провел в палате час, но чувствовал, что этого мало. Время не лечит; время – чистая страница, на которой тени прошлого оставляют свои признания и сожаления.

На этой неделе от визита в больничное чистилище стало только хуже.

Последней была Наташа Кэрролл. Он держал ее тонкую, словно вырезанную из дорогого фарфора руку, а в глазах набухали тяжелые слезы. Наташа оставалась безмятежной: священная статуя с ликом, обращенным к неизвестному богу.

Наташа находилась в лучшем мире. Не в религиозном или философском, но в ментальном смысле. Ее мысли порхали где-то далеко, легкие, как летние грезы – и там явно было веселей, чем в этом больничном склепе.

А вот его мысли не умели никуда унести. Попрощавшись с Наташей и помахав медсестрам, он на заплетающихся ногах вышел из больницы и замер под ярким солнцем. Свидание с Эми не принесло никакого облегчения; он был как выжатый лимон.

В окне отразилась его поникшая фигура. В светло-русых волосах пестрели свежие серебристые нити; кожа вокруг болезненно прищуренных глаз сморщилась, словно покореженный огнем пластик. Чувство вины разъедало его изнутри.

Он нетвердо прошел несколько шагов по неровной, засыпанной гравием площадке перед старым больничным корпусом и тяжело опустился на землю. Здание нависло над ним тюремной башней.

Полная неподвижность. Ноги по-турецки, плечи опущены. Осыпаящаяся кирпичная стена холодит поясницу. Позвоночник словно врос в землю – пустил корни. Если вдруг на него помчится машина скорой помощи, он не сможет отскочить с дороги.

Утром он весь издергался. Когда Фионе нужно было в женскую консультацию, ей разрешали появляться на работе в обед, и сегодня после приема она захотела сходить вместе на бранч. Прием заканчивался в 10:45, от консультации до больницы минимум десять минут езды плюс парковка. Пойди он на бранч с Фионой – и на еженедельный визит времени бы уже не осталось. Нужно было сделать выбор: Фиона или Эми.

Он решил, что пожертвует Эми и не поедет в госпиталь на этой неделе. «Отличная идея, – сказал он. – Будет здорово сходить вместе на бранч перед работой».

Но потом, в кабинете женской консультации, он видел, как дрогнул живот Фионы, когда на него выдавили порцию холодного геля; и чуть не задохнулся в те полсекунды, когда молчал доплер; и со слезами на глазах слушал неумолчный стук сердца своего будущего ребенка.

В той комнате звучала сама жизнь, и он вспомнил об Эми.

О том, как слабо, едва различимо, бьется ее сердце. О том, что много лет назад жизнь в ее искалеченном теле, опутанном проводами и трубками, держалась лишь благодаря работе целой кучи аппаратов. Поначалу сердцебиение почти не прослушивалось, и перо осциллографа взлетало вверх по разлинованной бумаге настолько редко и нерегулярно, что любая пауза, казалось, означала конец.

Теперь в этот мир готовился прийти его ребенок. Вооруженный бесперебойно бьющимся сердцем, крохотными, решительно сжатыми кулачками и незамутненной душой. А прикованная к постели Эми кисла в больнице, словно молоко на подоконнике.

Телефон завибрировал, разогнав роящиеся мысли. Фи-она. Джейкоб потряс головой и похлопал себя по щекам.

– Привет, любимая, ты чего звонишь? – сказал он в трубку, чувствуя, как солнце, слегка пощипывая кожу, заливает жидким золотом голые руки.

– Прости, если мешаю. Я просто немного волновалась.

Прочистив горло, он ответил:

– Ты мне не мешаешь, Фи. А почему ты волновалась? – Ну, утром на приеме ты был такой нервный. И очень странно разговаривал перед тем, как куда-то умчался. Я тебя ни в чем не обвиняю и не упрекаю; плевать на бранч, но ты ведь сбежал, Джей. Можно подумать, тебе позарез хотелось оказаться подальше от нас!

Джейкоб тяжело сглотнул. Ладно, Фиона взрослая женщина (хотя она все равно ни в чем не виновата), но как можно сбежать от своего крошечного ребенка? Что он за человек?

– Фиона, прости. Ты права. – Он сделал паузу, напоминая себе о необходимости тщательно выбирать слова. – На меня там действительно как будто что-то нашло, – медленно продолжал он. – Это все его сердце. Оно билось так громко... Это было прекрасно и ужасно одновременно – не знаю почему. Чем ближе срок, тем больше я боюсь вас обоих подвести.

Внезапно неизвестно откуда налетели тучи, по-хозяйски согнали солнце. Тень побежала по больничному двору.

– Джейкоб, Джей, не плачь! Все хорошо, не плачь! – доносилось из трубки.

И тут он понял, что громко и судорожно всхлипывает, вытирая свободной рукой жгучие соленые слезы.

– Прости меня, пожалуйста, – услышал он свой запинаящийся голос. – Прости меня.

* * *

Через полчаса его ждали для личной встречи в офисе клиента у самой границы с Суссексом. Прокашлявшись и вытирая остатки слез подушечками больших пальцев, он дошел до больничной парковки. Позвонил Марку, своему коллеге и подчиненному, и попросил договориться о переносе.

– Огромное спасибо, друг, буду должен! – попрощался он.

Марк ни о чем не спросил. Разумеется. Однако наверняка подумал, что это связано с Фионой и ребенком, а Джейкоб не стал его разубеждать. Опять прикрылся ребенком.

Из машины он, еще не включив зажигание, снова позвонил Фионе. Сказал, чтобы она сбежала с работы и тоже ехала домой: он сейчас будет. В ее голосе звучало такое неподдельное сочувствие, что он опять начал всхлипывать и потом минут пять просидел, уткнувшись головой в руль и не трогаясь с места.

* * *

Джейкоб медленно свернул на свою улицу. Мотор рабочей черной «ауди» заурчал на низких оборотах. На подъездной дорожке уже виднелась машина Фионы. Вернее, их машина. Очередной – огромный, черный и блестящий – пример ненужной траты не по средствам. Семи-местный «Вольво ХС90», приобретенный в кредит наутро после первого УЗИ – на двенадцатой неделе.

«У нас пока только один ребенок», – сопротивлялся он. «Надо думать о будущем», – настаивала Фиона. И не успел он опомниться, как уже подписывал договор купли-продажи, а она, поглаживая свой едва наметившийся живот, с блаженной улыбкой глядела на гигантское авто.

Должность выездного менеджера по продаже специализированного программного обеспечения приносила хорошие деньги, но все же не настолько, чтобы позволять себе такие покупки.

Когда они только купили дом (а в те времена у Фионы еще и мыслей о ребенке не возникало), каждый сам оплачивал свои счета. Джейкоб зарабатывал больше и потому больше тратил. Несколько месяцев спустя, накачавшись белым вином по акции «два за десять фунтов», Фиона устроила безобразный скандал на тему «Финансовые соглашения убивают романтику».

Брак и совместная ипотека не стоят ровным счетом ничего, провозгласила она. Настоящее доказательство того, что у них все серьезно и навсегда, – общий счет в банке. Он пытался спорить: общий счет как раз и уничтожит всю романтику; нельзя будет даже купить ей подарок – все отразится на общем счете и выписках из банка.

– Да когда ты в последний раз покупал мне подарок? – завопила она. – Ты просто не хочешь, чтобы я знала, на что ты тратишь деньги! – с этими словами она, как девочка-подросток, взбежала по лестнице, бросилась в спальне на кровать и театрально зарыдала.

Ему стало жутко. Кто эта женщина? Что она делает в их доме? В начале знакомства Фиона была само спокойствие. Она никогда не выходила из себя, а при виде чьей-нибудь истерики лишь удивленно вскидывала брови. Если она и плакала, то по секрету, в ванной; выдать ее могли только глаза, и он далеко не сразу научился замечать это. Неужели та, другая женщина – Фиона, которую он полюбил, – была сиреной и просто заманила его на скалы?

Прошла целая вечность. Истерика затихла. Он услышал, как Фиона мечется по спальне, открывая и закрывая ящики и шкафы. Через несколько минут до него дошло: она роется в его вещах в поисках банковских выписок.

Джейкоб не понимал, что происходит. Он регулярно давал Фионе свою карточку, чтобы она сняла деньги или купила что-нибудь, и она легко могла узнать баланс и получить отчет об операциях. С чего бы ему прятать от нее банковские выписки?

Он налил себе хорошую порцию недешевого виски (подарок отца на Рождество), залпом опрокинул стакан и, с усилием переставляя ноги, зашагал вверх по лестнице. Виски был «не его» напиток; спиртное бросилось в голову и смешало все мысли.

Фиона стояла на коленях на полу в окружении вороха бумажек, старых счетов и чеков.

– Где выписки? Куда ты их на хрен спрятал? – выговорила она с такой лютой ненавистью в глазах, что ему пришлось отвести взгляд.

– Слушай, Фиона, – начал он, пытаясь разогнать алкогольный туман.

– Слышать ничего не хочу! Я ничего не хочу слышать, кроме того, где эти сраные выписки! – крикнула она, глядя на него воспаленными глазами. Рыжие пряди облепили мокрое от слез лицо.

Он перешел из их новенькой, с иголки спальни во вторую комнату, поменьше, временно служившую кабинетом. Очень медленно, стараясь не сделать ошибки, записал адрес сайта, логин, пароль и пин-код.

Вернувшись в спальню, положил листок рядом с ее коленом и ровным голосом произнес:

– Мне уже давно не шлют бумажные выписки. Я смотрю их прямо на сайте. Вот данные для входа в интернет-банк. Можешь проверить все выписки за прошлые годы. Можешь в любой момент заказать отчет по операциям. Если тебе это так нужно, пожалуйста.

Он надеялся отрезвить ее: пусть очнется и осознает, какой это горький конец для их медового периода.

Не сработало.

В последующие три недели Фиона отслеживала все операции по карте и постоянно подзывала его к компьютеру, заставляя отчитываться за каждый потраченный фунт или пенни. После этого они завели общий банковский счет.

Ему больше нечего было скрывать. По крайней мере, в финансовом плане.

* * *

Сколько прошло времени? Как долго он просидел в машине у дома, глядя на огромный зад «вольво» и вцепившись побелевшими пальцами в руль?

Он знал, что Фиона ждет его. Открыв входную дверь, он медленно переступил порог. По телефону она была настоящей. Той Фионой, которую он полюбил. А сейчас, стоя спиной к двери, еще и выглядела как раньше, потому что живот не было видно.

Он стоял молча. Она обернулась, слегка потеряв равновесие, и вместе с ней повернулся живот.

– Привет, – тихо произнес он, раскрывая объятия ей навстречу.

Фиона подошла, и он увидел, что она плакала.

– Фи, – начал он, привлекая ее к себе.

– Не надо, – ответила она еле слышно. – Просто обними меня.

И они еще долго стояли без слов, сжимая друг друга в объятиях.

Глава десятая

Эми

18 июля 1995

- Ты что-то притихла, Эми.
- Я чувствую себя ужасно.
- Это ты зря. Никто тебя ругать не будет.

Она закрыла глаза и всем телом отвернулась к окну. Ремень безопасности врезался в грудную клетку. Он уже не клал руку ей на колено, не шептал на ухо. Она отчаянно старалась сдержать подступившие слезы.

- Его не должно было там быть. Откуда он взялся?

Молчание.

– Не надо было мне этого делать. Теперь ты мне уже не pomoжешь. – Она снова начала всхлипывать.

- Ты придаешь этому слишком много значения.

Шмыгнув носом, она из всех сил зажмурилась. До жуткого скандала, скорее всего, оставались считанные часы, и на это время ей хотелось погрузиться в полную темноту. Что они скажут, когда узнают? Теперь все изменится. Никто не станет хранить ее секреты.

Не надо было садиться к нему в машину. Не надо было туда ехать. Не надо было заниматься с ним сексом. Столько ошибок за такое короткое время.

Она открыла глаза. Мимо пролетали последние дома унылых кирпичных предместий Эденбриджа.

- Куда мы едем? Мне нужно домой!
- В одно отличное место. Тебе понравится.
- Но мне нужно домой. Пожалуйста, ты можешь просто развернуться?
- И испортить весь сюрприз?

Когда-то от его голоса у нее кружилась голова. Она вешала трубку за секунду до того, как ключ Боба начинал поворачиваться в замке, и удирала в свою комнату, чтобы отчим не заметил ее волнения.

Теперь этот голос был властным и недобрым.

– Извини. – Отвернувшись от окна, она заглянула ему в лицо, но он на нее не смотрел. – Я не собиралась портить никакой сюрприз, но мне правда нужно домой. Можешь даже высадить меня прямо здесь, я сама дойду.

– Не могу, Эми, – ответил он и на секунду повернулся в ее сторону. На его губах мелькнула едва заметная улыбка.

Глава одиннадцатая

Алекс

9 сентября 2010

Проснулась она рано. Прилив адреналина заставил Алекс резко сесть в постели, так что скользнуть обратно в сон было уже невозможно. Кровать в кои-то веки оказалась сухой. Сидя на унитазе, она проверила почту в телефоне.

Во входящих она тут же увидела письмо от Мэтта. Отправлено в 5:32 утра. Он, наверно, как раз вернулся домой после ночного дежурства. И где теперь его дом? А ведь она, оказываясь, почти ничего не знает о его жизни. Имя Мэтта в почте не вызвало бурных эмоций: оно смотрелось, как будто... как будто и должно было там быть.

От кого: Мэттью Ливингстон

Кому: Александра Дейл

Тема: Эми

Привет, Алекс!

Приятно было пообщаться с тобой вчера. Извини, забыл спросить, какие планы.

Как я уже говорил, тут нужна осторожность. Но я кое-что нарыл – на первое время хватит. Пожалуйста, никому эту информацию не сообщай. Я на тебя надеюсь.

Похоже, основных подозреваемых было трое.

1. Отчим, о котором ты уже слышала. Роберт Стивенсон, он же Боб, родился 22.01.1962. Ты не хуже меня знаешь, что виновным почти всегда оказывается кто-то из знакомых. Правда, считается, что обычно это все-таки родной отец, а не отчим. Но отчима обязательно включают в круг подозреваемых, если только у него нет железобетонного алиби. Будут прослушивать, следить за каждым шагом, проверять его бывших и т. д. Так вот Боб, по ходу, оказался кристально чист, потому как потом с него публично сняли все обвинения, а это не часто случается. Но, думаю, было уже поздно: люди решили, что дыма без огня не бывает.

2. Сосед, Джон Рочестер, известный также как Джек. Проживал на одной улице с Эми, местный извращенец и педофил, любитель подглядывать. На него тут целое досье. Насилие в отношении детей, в легкой форме. Фотографирование в парках, публичное обнажение и все в таком роде. Его исключили, поскольку он был слишком слаб физически, чтобы напасть на молодую здоровую девушку. В 1995 году реестра сексуальных преступников еще не существовало, но сейчас он там числится.

3. Эми ходила в молодежный клуб при церкви, и там, естественно, всех прошерстили, включая священника и кучу церковных волонтеров, но это ничего не дало. По ходу дела выяснилось, что у одного красавца есть непогашенная судимость, и его тут же выперли. Но связать его с Эми не получилось, тем более что он не водил машину. Вряд ли на Эми напали прямо на улице, иначе наверняка нашлись бы какие-то свидетели.

Еще у Эми был парень, но его почти сразу отмели. Все было невинно, они даже ни разу не спали.

Насчет того, что конкретно с ней случилось по дороге домой, похоже, вообще не было предположений. Никаких свидетелей после того, как она рассталась с подругами перед школой. Никаких зацепок в ее комнате. Наверняка где-то есть фотографии, но я не могу о них расспрашивать.

Камер наблюдения в те годы было на порядок меньше. Сообщений о подозрительных машинах в полицию не поступало.

Ты знала, что в «Crimewatch» делали реконструкцию событий? Стоит взглянуть на всякий случай.

Мать Эми, Джоан, покончила жизнь самоубийством примерно через год после происшествия.

Отчим переехал и сменил имя. Теперь его зовут Роберт Белл, и живет он в Девоне. НИКОМУ не говори, откуда у тебя эта информация. Прошу тебя. Я смотрю, он не особо сообразительный: он сменил имя сам, и я нашел его не в полицейских документах, а в интернете. Можешь посмотреть на 192.com.

Удачи тебе. Береги себя, пожалуйста.

Мэтт

Она с трудом сдержалась, чтобы не выложить в ответном письме все, что на душе. Отправила короткое вежливое «спасибо» и постаралась забыть, откуда пришла информация. Ясно, что он рискует, даже просто обсуждая с ней эту тему – само собой, из жалости, и это было очень горько.

Сосед-педофил – на девяносто девять процентов ложный след. Парню из церкви, очевидно, просто не повезло. Отчим тоже явно ни при чем.

Ей никогда не хотелось заниматься журналистскими расследованиями. Но в обездвиженной Эми было нечто такое, что зацепило ее и теперь не давало покоя.

Поначалу она решила разобраться с этим случаем исключительно из профессионального любопытства. Но теперь, когда Мэтт тоже в некоторой степени был «в деле», в ней проснулся азарт. Она должна доказать ему, что еще чего-то стоит, что внутри у нее осталось что-то помимо спиртовых паров и аммиачной вони.

Тщательно взвешивая слова, она написала Роберту Стивенсону-Беллу письмо, в котором вежливо просила оказать ей содействие в создании деликатной статьи об Эми, заполнив некоторые пробелы. По дате рождения в справочнике нашелся только один Роберт Белл, и проживал он в Аффульме, графство Девон. Ни телефона, ни электронного адреса; ни единой зацепки, за которую ухватились бы ее собратья – репортеры-криминалисты. Обычная почта оставалась единственным вариантом.

* * *

Два дня спустя, в 14:45, на телефон пришло голосовое сообщение.

«Сообщение для Алекс Дейл, – негромко и ровно произносил мужской голос. – Меня зовут Боб. Вы писали мне насчет моей дочки Эми. Возможно, я соглашусь ответить на несколько вопросов, но сначала хочу с вами поговорить. Фамилией Стивенсон я больше не пользуюсь. Я должен быть уверен, что вы не станете разглашать мое имя. Мое новое имя. Позвоните мне, пожалуйста, по номеру 07781 257 539. Спасибо».

Он говорил каким-то заученным тоном – похоже, перед звонком он репетировал. Когда ему вообще в последний раз приходилось общаться с «прессой»?

– Алё? – В реальности голос звучал грубовато и более естественно, чем на пленке.

– Привет, это Алекс Дейл. Я получила ваше сообщение.

– А, спасибо, что перезвонили. – Он помолчал. – Я получил ваше письмо. Я не то чтобы горю желанием все это обсуждать, но, зная вас, журналистов... не хочу, чтобы вы заявились ко мне домой.

Она опешила; за своими безобидными заметками и глубокомысленными очерками она, похоже, забыла, что для большинства людей журналист – это папарацци.

– Спасибо, но я бы никогда так не поступила. Надеюсь, вы не думаете, что я позволю себе проявить неуважение к Эми и вашей семье.

Боб пробормотал что-то неразборчивое.

Набрав в легкие побольше воздуха, она сдвинулась дальше:

– Мистер Стивенсон, мне бы очень хотелось взять у вас интервью. – Она помедлила секунду, ожидая какой-то реакции, но ответом ей было лишь суровое молчание; до нее дошло, что она назвала его старую фамилию. – Деликатно описать, как изменилась с тех пор ваша жизнь, и побольше узнать о жизни самой Эми.

Молчание. Слышно только, как Боб дышит; по крайней мере, он еще здесь.

– Я могу отослать вам стенограмму нашей беседы, чтобы вы все проверили и сказали, если вам что-то не понравится. Представить что-то вроде контрольного экземпляра. Как вам такой вариант?

От такого упорного молчания ей дико хотелось все бросить. В желтой прессе ей делать нечего – ее бы там живьем сожрали.

– Хорошо, – отозвался наконец хриплый голос. – Такой вариант мне подходит.

* * *

Они договорились встретиться в ближайший понедельник на полдороге между Танбридж-Уэллсом и Аффульмом, прямо на каком-нибудь съезде с шоссе А303. Чем скорее он от этого отделается, тем лучше, сказал Боб. Аффульм не подойдет: не хватало еще беседовать с какой-то неизвестной женщиной на виду у всех; а если увидит жена? В Кент он не возвращался со дня похорон Джо и не испытывал желания снова там оказаться.

Алекс сидела в выбранном наобум Little Chef² в полной уверенности, что ее «кинули».

Разве сама она на месте Боба пришла бы? Определенно нет; ездила бы по дороге туда-сюда, пытаясь заглянуть в окно, или сидела в машине на парковке с колотящимся сердцем, закрываясь журналом всякий раз, как дверь кафе распахнется. Может, Боб сейчас как раз этим и занимается? Опаздывает он прилично.

На часах было 10:20. По пищеводу к горлу поднимался противный трухлявый комок. После разговора с Бобом она отправила Мэтту бодрое непринужденное письмо, которое сочиняла три часа, без конца стирая и переписывая заново. Сообщила последние новости. Мэтт не ответил.

В ожидании Боба она постоянно обновляла почту на телефоне, однако число непрочитанных писем не менялось. Ноль.

Алекс чувствовала, что ей здесь не место, – и так оно и было. Верный «молескин» и ручка «Cross» аккуратно выровнены вдоль края стола, рядом – строго параллельно – айфон; платье от Ted Baker, сумочка от Chloe... она бросалась в глаза, как оторванный палец.

Пластик на стульях облупился, стол на углах словно кто-то пытался грызть. В туалетной кабинке, которую она посетила сразу по прибытии, на полу возвышалась груда использованных подгузников.

Девушка лет девятнадцати с бледным, опухшим лицом ходила по залу с чайником, подливая в чашки горячий разбавленный кофе и пялясь на посетителей.

² Британская сеть ресторанов быстрого питания.

Сзади расположились четыре пенсионера – с багрово-красными руками, в обтягивающих внушительные животы синтетических футболках.

За тремя разными столиками трое немолодых мужчин в мешковатых костюмах в одиночестве глушили кофе, озабоченно тыкая в клавиши допотопных мобильных и перебирая обтрепанные листочки. Кто-нибудь вообще покупает то, что они продают?

Боб опаздывал уже на сорок пять минут. Писем не было, не считая непрошенных рассылок и скучных прессрелизов. Давить не хотелось, но Боб должен знать, что она ждет. Что все понимает и готова потерпеть. Она написала сообщение:

«Привет, Боб. Это Алекс. На всякий случай – я в Little Chef. Если вы в пробке, не волнуйтесь. Приезжайте, когда сможете, я буду ждать».

Не успела она положить телефон на пожелтевший стол, как в кафе влетел невысокий коренастый мужчина в рабочем комбинезоне. Там, где по седеющим волосам прошли не то гелем, не то помадой, явственно виднелись следы от расчески. Усы были пегие и неряшливые.

Потоптавшись около таблички «Пожалуйста, подождите, пока вас пригласят», мужчина, так никем и не приглашенный, пошел по залу, явно кого-то высматривая.

– Боб? – негромко позвала Алекс, слегка привстав и подавшись вперед, как обычно делается в таких ситуациях.

Мужчина крутанулся на месте. Комбинезон обтягивал ягодички и живот, который, точно противовес, повернулся с некоторым запозданием. Слабо улыбнувшись, мужчина направился в ее сторону.

– Алекс? Прошу прощения за опоздание... – Он замолчал.

Она жестом предложила ему сесть и оглянулась в поисках официантки. Та полненькая девушка с похожим на тесто лицом и волосами мышиного цвета куда-то исчезла, но к ним уже неспешно двигалась симпатичная женщина постарше с высоким блондинистым начесом.

– Что желаете, сэр? – спросила она с улыбкой.

Боб приветливо улыбнулся в ответ:

– Привет, хм. Можно мне чай в чайничке и юбилейные блинчики³? – произнес он немного неловко. – Я еще не завтракал.

Официантка – Валери, судя по надписи на бейджике, – повернулась к Алекс:

– А вы еще что-нибудь будете?

– Знаете, – улыбнулась она, – принесите мне тоже «Юбилейные»!

В зале словно посветлело, солнце теперь светило ярче. Ее наконец отпустило, и заваленный подгузниками туалет больше не стоял перед глазами. Она перестала хмуриться и смогла вспомнить, как любила останавливаться в этих ресторанчиках в детстве, когда мама брала ее к своим постоянно меняющимся бойфрендам или возила к отцу, пока его жена была в отъезде.

Она обожала эти блинчики, а еще апельсиновые леденцы на палочке, которые продавались на кассе. В семь лет она не имела никакого понятия о калориях.

Валери удалилась, и они оба тихонько и как будто без причины вздохнули – будто оба подумали, как здорово было бы просто поесть блинчиков и выпить чаю. Просто отдохнуть с дороги в приятной обстановке.

– Боб, огромное спасибо, что пришли, – начала она. – Я не собираюсь вас терроризировать, честное слово. Мне вообще раньше не приходилось писать о преступлениях или чем-то подобном. В основном я пишу о здоровье. Так я и познакомилась с Эми.

В письме она уже описала, как случайно увидела Эми в больнице, однако сомневалась, что Боб ей поверил. Сколько бульварных газетенки предлагали ему тем летом изложить «свою версию» событий?

³ Блинчики «Юбилейные» – фирменное блюдо ресторанов Little Chef, созданное в 1977 году в честь юбилея королевы. Подаются с вишней и шариком ванильного мороженого.

Боб прочистил горло.

– Вы можете пообещать, что не станете меня подставлять и не растрезвоните, где я живу? – в его голосе по-прежнему звучали резкие нотки, хотя сидел Боб уже не так напряженно.

– Даю слово.

Она попыталась представить, как он пережил полицейские допросы – скрученный горем по приемной дочери, возможно, с ужасом гадающий, оправится ли после этой трагедии его жена, обвиненный в преступлении, которого он не совершал.

Они с Мэттом всегда расходились во мнениях насчет принятых в полиции методов работы. Мэтт еще на заре карьеры перестал рассказывать ей о дежурствах, о страхе на лицах подозреваемых, о решениях, которые он принимал, и о сценах, свидетелем которых становился.

– Боб, у меня в телефоне есть диктофон. Я хочу включить его, потому что со стенографией у меня не очень хорошо. Вы не против?

– М-м-м... наверно, нет. Лучше уж запишите, чтоб потом не переверять, – со мной такое уже было.

Алекс сделала глубокий вдох и нажала на «Запись».

Глава двенадцатая

Джейкоб

10 сентября 2010

Джейкоб часто проезжал мимо бывшего печатного салона, в котором они познакомились. Теперь там был зоомагазин, но при виде этого дома он все равно расплывался в улыбке. Иногда.

Сегодня ему было не до улыбок: он пытался отогнать утренние воспоминания и думать о Фионе из салона, а не той, которая требовала объяснить, зачем он удалил историю в браузере на домашнем компьютере. Он стоял перед ней совершенно ошарашенный и думал о том, что удалять историю поиска в гугл-картах – это уже чересчур.

– Это сюрприз, – ответил он.

– Что еще за сюрприз?

– Ну, я искал тебе подарок и не хотел, чтобы ты узнала.

Фиона демонстративно подняла брови и отвернулась. – Соврал бы уж лучше, что порнуху искал. Я бы скорей поверила.

* * *

Шесть лет назад он в спешке заскочил в печатный салон за визитками для директора. Фиона стояла за кассой, но во время разговора несколько раз подчеркнула, что просто подменяет коллегу: на самом деле она дизайнер, и у нее даже есть свой стол; она рисует визитки и рекламные брошюры для местных парикмахеров и сантехников.

Ее огненно-красные волосы разили наповал. В тот день на ней было платье в цветочек, какая-то странная короткая кофточка и конверсы. На вид ей было восемнадцать, но потом оказалось, что ей двадцать два.

– Вы мне кого-то напоминаете, – вырвалось у него, когда она церемонно вручила ему коробочку с визитками.

– Какую-нибудь шикарную горячую штучку? – невозмутимо поинтересовалась она.

– Да, точно! – ухмыльнулся он, и она рассмеялась. – Хочешь пригласить меня на ланч? – спросила Фиона как будто без тени смущения, хотя позже призналась, что просто очень хорошо его скрывала.

– Что, прямо сейчас?

– Ну да, а почему бы и нет? По-моему, я заслужила перерыв.

Он и без того уже опаздывал, но отказаться не смог; эту историю Фиона готова была слушать снова и снова.

В пабе рядом с салоном они заказали панини и пиво. Ничего подобного с ним не случилось ни до, ни после. Все было как в дурацком кино, и потом он до самого вечера ходил с немного растерянной улыбкой на лице.

Фионе нравилась музыка, о которой он даже не слышал. Когда он забирал ее с работы, она ставила в машине свои CD-диски. От заумных и заковыристых названий групп он чувствовал себя совершенно отставшим от жизни.

– Ты у меня такой старомодный! – говорила Фиона, целуя его в щеку.

– И что такая крутая девчонка забыла в этой дыре? – спросил он на их первом вечернем «свидании», в боулинге, пока подростки на соседней дорожке кидались друг в друга чипсами.

Сбив три кегли, она вернулась на место и глотнула из бутылки пиво.

– Это все универ. Я получила бакалавра в Рочестере и приехала сюда, на эту сраную работу. Ты не думай, я не собираюсь торчать тут до конца своих дней. Но городок, в принципе, неплохой. Живописный. Близко от Лондона, и цены на жилье нормальные.

– То есть ты только прикидываешься крутой.

Она фыркнула, потом сделала оскорбленное лицо:

– Ну естественно! Как ты мог подумать!

И, отхлебнув приличный глоток «Роллинг Рока», с улыбкой положила голову ему на плечо.

* * *

Очень скоро она перестала вести себя так круто. И выглядеть тоже: обожаемые им огненно-красные волосы превратились в медно-каштановые с темными и светлыми акцентами и еще какими-то эффектами – подробности он слушал вполуха. Она уже не походила на подростка, стала благоразумнее. Он был разочарован, но на душе стало как-то спокойней.

Потом Фиона переехала в его однокомнатную квартиру. Все вечера и выходные они проводили в кровати. Запретных тем у них практически не было; он угорал над ее шутками, и они болтали и смеялись чуть не до утра. В результате он регулярно опаздывал на работу, хотя ехать ему было пять минут.

Фиона свою работу терпеть не могла и потому опаздывала постоянно. Она часто жаловалась, что зря выучилась на маркетолога. На маркетинг ей было плевать – она хотела пойти на графический дизайн и стать «настоящим, серьезным» дизайнером, но родители отговорили, и она «поступила разумно». А в результате занималась жалким подобием того, о чем мечтала, и было ясно, что ее это гложет.

– Я бы тоже хотел, чтобы у меня были какие-то устремления и мечты, – сказал он ей однажды вечером, когда они, расположившись на диване, издевались над низкопробным телешоу и глушили еще более низкопробное вино. – Я тебе ужасно завидую, потому что ты знаешь, чего хочешь.

Фиона грустно усмехнулась.

– Ну не знаю... – протянула она. – По-моему, гораздо хуже знать, чего ты хочешь, но не иметь возможности это получить. Я вот завидую тебе. Твоей потрясающей способности жить без стремлений.

– И кем бы мне стать, когда я вырасту? – спросил он полушутя.

– Ты у меня и так замечательный! – ответила Фиона и наградила его долгим поцелуем.

Спустя несколько месяцев, застав ее в ванной в слезах, он предложил ей взять у него займы и пойти в магистратуру на графический дизайн:

– А то я все коплю и коплю, а что с ними делать – не знаю. Приятно будет потратить эти деньги на то, что много значит для того, кто много значит для меня.

Фиона на несколько минут потеряла дар речи. Впервые со дня их знакомства она молчала так долго.

– Я не знаю, когда смогу отдать долг, – произнесла она наконец.

– Тогда придется тебе тут со мной пока остаться, – улыбнулся он.

* * *

За бывшим печатным салоном он свернул на парковку, крутанув руль резче, чем хотел. До следующей встречи оставалось мало времени, а ему еще нужно купить Фионе подарок.

Глава тринадцатая

Эми

18 июля 1995

Ее прошиб липкий пот. Что-то мокрое и колючее впивалось в кожу и в глаза; постепенно до нее дошло, что это ее собственные волосы. Не так уж и страшно по сравнению со сломанной лодыжкой и разбитой головой, однако именно эта царапающая боль приводила ее в отчаяние.

Она лежала на земле, не в состоянии двинуться, не в состоянии сказать ничего, что могло бы ее спасти. Остывающий пот охлаждал поясницу, едва различимый аромат листвы врвался в сломанный нос удушающим парфюмом.

Она решила закричать – и попробовала, когда рядом снова послышался шум, но ничего не вышло; оставалось только умолять глазами. Надежды не было – он бы уже помог, если бы хотел. Хоть она и слышит его шаги, она тут одна.

Ее взгляд переместился вверх, на нависавшее над ее головой мрачное серо-голубое месиво. По небу ползли темные тучи, две руки в белых перчатках сверкнули в лучах солнца и медленно потянулись к ее шее. Она закрыла глаза, с облегчением ожидая конца.

Глава четырнадцатая

Алекс

13 сентября 2010

Алекс выдерживала взгляд Боба столько, сколько могла, старательно повторяя про себя: *«Это просто очередное интервью»*. Убедившись, что телефон записывает, она опустила глаза на лежащие на коленях шпаргалки.

– Боб, спасибо, что согласились ответить на несколько вопросов.

– Не за что. – Боб наклонился вперед, к телефону, явно не очень доверяя современной технике. – Вы знаете, почему я согласился, и я надеюсь на ваше уважительное отношение.

Она кивнула.

– Боб, мне бы хотелось начать с самого начала и расспросить вас о первых годах совместной жизни с Джо и Эми. Вы не против?

– Нет, но... я могу немного расстроиться. Вы уж меня поймите.

– О, конечно! – Она проглотила комок в горле. – Скажите, пожалуйста, как вы с Джо познакомились?

– Это было весной восемьдесят четвертого, – улыбнулся Боб. – Я тогда только устроился помощником сантехника. Старина Тони, у которого я работал, любил выпивать в пабе «Старый замок». Мы ходили с ним туда на обед и иногда вечером, после работы. Джо работала за барной стойкой, и мы с ней постоянно друг друга подначивали. Я знал, что она меня постарше и что у нее есть дочка, но... – Он замолчал, закрыв одутловатой ладонью лицо.

– Все в порядке, мы никуда не торопимся. Так, значит, Джо была немного старше вас?

Прочистив горло, Боб снова наклонился над столом.

– Ну да, когда мы познакомились, ей было двадцать два. Года на полтора больше, чем мне. Сейчас-то, когда я уже старый хрен, кажется, что тут и говорить не о чем. Но тогда мы часто над этим шутили.

Алекс улыбнулась.

– А где была Эми, пока Джо работала?

Боб на секунду задумался, подняв глаза к небу.

– Джо тогда дружила с соседкой, девчонкой по имени Кэрол, у которой был мальчик на пару месяцев младше Эми. И они с ней менялись: одна работала, другая сидела с детьми. В те времена все было по-другому. Можно было оставить детей с посторонним человеком. Люди друг другу доверяли. К тому же Джо нечем было платить няне.

– А родной отец Эми с ней как-то общался? – спросила Алекс, заглянув в свои записи.

– Нет, никогда. Они ни разу не встречались. Грубый, мерзкий тип. Злобная, жестокая скотина. Когда Джо узнала, что беременна, она сбежала и бросила его. Переехала в Эденбридж и начала все заново, вдвоем с малышкой. Она сказала ему про ребенка, а он ответил, что ничего не хочет слышать. Оно и к лучшему... – Боб отсутствующим взглядом провожал проносящиеся за окном машины. – Короче, не хочу я больше говорить об этом мешке с дерьмом. От одной мысли о нем кровь закипает.

– Ладно, хорошо. Так когда вы стали жить вместе?

Боб склонился еще ниже, вытянув шею.

– Сейчас-то кажется, что почти сразу. Но тогда, конечно, все это ощущалось по-другому. Когда я в первый раз увидел Эми, мы с Джо встречались уже три или четыре месяца...

– Ничего, ничего, все хорошо... отдохните, если нужно... – Алекс не могла смотреть, как плачут мужчины; только бы Боб держал себя в руках, иначе она тоже разрыдается.

– Джо не хотела знакомить ее с кем попало, понимаете? Не хотела, чтобы девочка к кому-то привязалась раньше времени. Боялась разрушить ее жизнь. Она была прекрасной матерью...

Его речь звучала немного невнятно. Алекс еле удержалась, чтобы не потянуться через стол и накрыть его руку своей. Боб снова прокашлялся.

– Да, так о чем я? В общем, когда я познакомился с Эми, то подумал: какая же она славная! Она нарисовала мне картинку, я почитал ей сказку, а потом мы все втроем пошли гулять в парк рядом с их домом. Я тогда был тощий как скелет. Выделялся, показывал им, как я хожу на руках. Глядя на меня, наверно, сложно поверить... Мы с Эми сразу ладили, и я думаю, для Джо это был веский аргумент.

Алекс улыбнулась, представив себе эту картину.

– Так, значит, вы переехали?

– Хм, ну да, вроде того. Сначала я просто оставался на ночь, а через несколько месяцев мы решили, что я перееду совсем. И вот мы стали жить все вместе в доме, который снимала Джо. У меня тогда денег водилось побольше, потому что была профессия. Примерно через год мы наскребли на первый взнос и купили небольшой домик. Нам хотелось, чтобы все было как у людей. Я встал на одно колено, ну и так далее. Мы поженились в понедельник, потому что это было дешевле, чем в субботу. Эми была подружкой невесты, а Кэрл и ее паренек – свидетелями. И в среду мы въехали в дом на Уорлингэм-Роуд. Медового месяца у нас не было, но на брачную ночь Кэрл забрала Эми к себе. С тех пор мы всегда были втроем. Всегда. Джо не могла больше иметь детей, и Эми стала для нас всем.

– Эми называла вас папой?

– Иногда называла, да. Почему-то в полиции мне постоянно задавали этот вопрос. И не только этот. Они без конца спрашивали одно и то же – не знаю почему. Сперва-то она называла меня Бобби, как Джо. Потом, когда ей было лет шесть или семь, она сообразила, что у всех ее друзей есть папа или папочка. И при них стала звать меня папой, хотя я об этом не просил. Дома она продолжала звать меня Бобби, а потом, когда подросла, – Бобом. В «папу» я превращался, когда она знала, что провинилась, или когда... – его голос сорвался, – когда боялась чего-то.

Она понизила голос, страхась разрушить установившееся вроде бы взаимопонимание:

– А как вы ладили с Эми, когда она стала подростком?

Боб откинулся на спинку стула.

– Мы с Эми всегда отлично ладили. Я знаю, что иногда доставал ее своими замечаниями, но, думаю, в глубине души она понимала, что я просто за нее волнуюсь. Она была умницей, наша Эми, и я не хотел, чтобы она все долбала, как я в свое время, простите мой французский. Немного фантазерка, да... иногда делала глупости... но в целом была прекрасной девочкой. И встречалась с неплохим пареньком. Я знаю, они с Джо на эти темы беседовали. Но вообще нам не приходилось ее особо пилить.

Боб улыбнулся одними губами. В глазах стояла печаль.

– А еще нам все время было весело, – продолжал он. – Эми смешила нас до колик, даже когда была еще совсем крохой. Я возил ее, маленькую, с собой в фургоне, учил переключать передачи и все такое прочее. Мы с ней болтали, и я просто умирал со смеху. Да, вот были времена...

– Я понимаю, это, наверно, очень тяжело, но... вы вот сказали, что Эми иногда делала глупости. Что вы имели в виду?

– Нет, вы ничего такого не думайте! Я имел в виду обычные глупости, которые все подростки делают. Ну там, поздно прийти домой, выпить немного. Ничего криминального, я сам так делал. Вот один раз они с ее подругой Дженни провернули такой план. Дженни сказала родителям, что ночует у нас, а Эми – что ночует у Дженни. Они вдвоем сели в поезд и поехали в Редхилл на дискотеку. Откуда я это знаю, спросите вы? В двенадцать ночи звонит Эми и говорит, что они что-то там напутали с расписанием, опоздали на последний поезд, и теперь

им негде ночевать. На улице был холод собачий. Эми плакала в трубку и просила их забрать. Ну и мы, естественно, забрали. Вы не думайте – мы, конечно, на нее рассердились. Но с другой стороны, я был рад ее звонку, потому что мало кто на ее месте позвонил бы родителям. Эми знала, что может все нам рассказать.

– Мы с подругами были примерно такие же, – соврала она. – Знаете, мне бы очень хотелось побольше узнать о Джо. Я понимаю, что это для вас крайне тяжело, но... я знаю только то, что писали тогда в газетах и показывали по телевизору.

– Джо была моим сокровищем. И я любил ее как сумасшедший. Потрясающая мать и потрясающая жена. Она гордилась всем, что мы имели, и очень любила наш дом, хотя денег у нас особо не водилось. Дочку обожала до судорог. Постоянно говорила о том, как Эми добьется всего, чего не удалось добиться ей. Как пойдет в колледж, а может, даже в университет, как сделает карьеру... Она возлагала на Эми огромные надежды. Мы оба возлагали. Но больше всего мы хотели, чтобы наша Эми была счастлива.

– А где была Джо, когда Эми пропала?

– На работе. Она работала в магазине женской одежды в Эденбридже. Вернулась домой к полднику, Эми еще не было. Я пришел почти сразу после нее, а она уже вся извелась.

– Когда вы поняли, что Эми пропала, а не просто загулялась?

– Часам к семи примерно. На нее это было совсем не похоже – она знала, что ужин пропускать нельзя. – Боб отпил еще чая. – Мы уже знали, что что-то случилось. Просто знали, чувствовали. Это ощущение ни с чем не спутаешь: такой мерзкий холодок в животе. И тогда я сел в машину и стал ездить по окрестным улицам. Заезжал к ее друзьям, которых знал, съездил даже до школы и обратно. Но я на самом деле не представлял, где ее искать. Джо обзвонила матерей всех девочек, которых смогла вспомнить, потом раздобыла номер парня Эми и стала названивать туда. Сначала трубку никто не брал, и я думаю, Джо это обнадежило, понимаете? Она надеялась, что в доме не было взрослых, и они решили там уединиться. Потом кто-то подошел к телефону и сказал, что у них вечеринка. И что Эми не приглашали.

– А когда было решено звонить в полицию?

– Когда я вернулся – часов в девять, наверно, уже темнело. Нам сказали проверить ее вещи и поискать записку, в которой она говорила бы, что сбежала из дома. Но Эми не могла сбежать, мы-то знали! На следующее утро полиция пришла к нам.

– Вам удалось хоть немного поспать?

– И глаз не сомкнули. Страшно представить, что испытывает похищенный ребенок!

– После того как Эми нашли, вы с Джо продолжали жить вместе?

– Ну, если это можно так назвать. Сомневаюсь, что Джо продолжала по-настоящему жить, когда услышала, что мозг Эми мертв. Потому что нам сказали именно так. Что до наших отношений, то я любил ее всем сердцем. Но когда меня забрали, этот ее взгляд... по-моему, этого никакой брак не выдержит. Того, во что они заставляли ее поверить.

Боб глядел в окно, потирая глаза. Молодая женщина пыталась усадить своего малыша в детское кресло на заднем сиденье машины; ребенок изо всех сил упирался ногами.

– В конце концов я ушел, – снова заговорил Боб. – Джо едва заметила. В газетах писали, что я скрываюсь, но это неправда. Я умолял Джо не делать глупостей, хотя она, по-моему, меня даже не слышала. Примерно через год она сломалась. Лишила себя жизни, и никто ее не удержал.

Алекс остановила запись и накрыла руку Боба своей, старательно отгоняя мучительное желание выпить.

Глава пятнадцатая

Джейкоб

12 сентября 2010

Он резко поддал газу и проскочил перекресток на загорающийся красный.

Фиона испуганно вскрикнула.

– Да что с тобой сегодня?

Сжав челюсти и сощурившись, он, не отвечая, глядел на дорогу.

– Джей?

– Прости, что ты сказала? – Он скользнул глазами по ее лицу и через мгновение уже снова хмуро смотрел вперед.

– Джей, что с тобой? Ты меня вообще слушаешь?

– Ничего, все нормально. А что? – Он попытался сделать не такое мрачное лицо.

– Нет, ненормально, – ровным голосом ответила она, глядя прямо перед собой. – Ты весь какой-то дерганный. И если бы ты только сказал мне, в чем дело...

– Успокойся, не надо делать из мухи слона.

* * *

Поворот на Ройал-авеню каждый раз давался ему с трудом.

Если бы только родители уехали куда-нибудь из Эденбриджа! Не пришлось бы тогда постоянно возвращаться на эти улицы. В трудные времена город всегда с готовностью обволакивал его, точно мягкое одеяло, но уехать отсюда было все равно что содрать пластырь с раны – и теперь эта рана кровоточила при каждом визите.

Он устыдился того, что упорно отклонял приглашения матери, которая любила его больше жизни и всегда опекала. Как ни крути, а ведь он у нее фактически один остался.

Под колесами захрустел гравий. Припарковавшись на просторной подъездной дорожке, он выключил зажигание. Неужели его младший брат Том и правда приедет на семейный обед? Он попытался представить его черноволосую голову и угрюмый взгляд: вот Том, примостившись на краешке стула, без аппетита ковыряет воскресное жаркое, вежливо поддакивает и интересуется у Фионы, не просится ли уже ребенок наружу. Не вышло.

Том жил и работал где-то среди пустошей Центральной Англии, в местечке, о котором никто даже не слышал. Находилось оно в Западном Мидленде, на краю Уолсолла, однако в семье было принято говорить, что Том в Бирмингеме. Братья не виделись. Если Джейкоб знал, что они с Фионой будут проезжать примерно в тех краях, то почти всегда посылал Тому СМС с предложением встретиться. Но тот неизменно отказывался, придумывая какие-то отговорки, а то и вовсе получал сообщение, только когда они уже были дома. Джейкоб каждый раз гадал: подросткам, с которыми брат работает, он тоже так неторопливо отвечает? И каждый раз останавливался, не давая себе развивать эту мысль.

Последний раз Тома видели во плоти на свадьбе Джейкоба и Фионы в Ланкашире. С тех пор брат не раз собирался в Кент, но все его визиты почему-то срывались. Во время торжества, среди живописных сельских просторов, Том явно чувствовал себя не в своей тарелке; было очевидно, что ему почему-то не терпится поскорей вернуться в город, к своим подопечным.

Джейкоб обожал поездки в Ланкашир. Ему нравилась царившая в семье Фионы теплота и искренность, нравилась позиция «работать, чтобы жить, а не жить, чтобы работать», нравились местные пабы и бескрайние холмистые просторы, нравились каменные, сухой кладки

стены в деревнях. Но больше всего он любил то ощущение счастья и покоя, которое испытывал вдали от Танбридж-Уэллса. Испытывал до тех пор, пока не вспоминал об Эми, – и тогда у него щемило сердце и потухали глаза, а чувство вины наваливалось тяжким грузом.

* * *

– Привет, дорогая! Входи, входи! – говорила его мама, Сью, стоя в тапочках из овчины на коврике в прихожей и целуя Фиону в обе щеки.

Едва только распахнулась тяжелая входная дверь, он тут же уловил неповторимый аромат родного дома. Пахло «Fairyt» для посуды, кондиционером для белья «Comfort», очистителем ковров «Shake 'n' Vac», сухими темно-розовыми лепестками на фарфоровом блюде, мылом «Pears» в туалете внизу и обильно приправленной маслом маминой стиральной.

– Привет, мам! – Он нагнулся, чтобы поцеловать ее в щеку. В Сью было всего пять футов два дюйма; Джейкоб – как и оба его брата – перерос ее больше чем на фут. – Том уже здесь?

Сью отвела глаза. Края ушей у нее порозовели. Со смущенной улыбкой она начала объяснять, почему Том не сможет приехать.

«Потому что я здесь», – подумал он. Точной даты он, конечно, назвать не мог: он сам на месяцы, если не на годы, отгородился от всех и полностью ушел в себя. Но в какой-то момент младший брат от него отдалился. Брат, который всегда был рядом и в чьей преданности не приходилось даже сомневаться.

Он болезненно поморщился, вспомнив день, когда Том ушел. Ему самому было уже восемнадцать, но его шестнадцатилетний брат первым покинул родительский кров. Джейкоб тогда едва обратил на это внимание. Угловатая фигура Тома со свисающими на глаза черными крашеными волосами появилась у него на пороге. На плече – большая спортивная сумка, в руках какие-то пакеты. Брат стоял и ждал, сгибаясь под тяжестью вещей.

– Ты все? – спросил Джейкоб, поднимая на него глаза. – Ага.

– Куда направляешься?

– В Нью-Кросс.

– Ясно.

Лишь позже, вечером, зайдя на кухню, он осознал, что Том уехал насовсем. Когда увидел, как заплаканная Сью ест холодный вишневый пирог прямо с фольги и проливает вино на их детские фотографии.

О том, каким был его брат-подросток вплоть до того дня, Джейкоб сохранил лишь самые скудные воспоминания. Крошки от тостов по утрам на кухне; депрессивная музыка, доносившаяся из соседней спальни; звук захлопнутой двери. Неясная тень обернулась одиноким волком и, крадучись, ушла прочь.

Через несколько лет Джейкоб попытался восстановить сожженные мосты. Он написал Тому СМС, в котором настойчиво просил быть свидетелем на свадьбе. Брат неожиданно согласился, поставив лишь одно условие: ему не нужно будет произносить речь.

Мальчишник он устроил в своем родном Эденбридже. Никакого размаха – несколько приятелей из университета и с работы. До поздней ночи все глушили пиво, потом стали потихоньку расходиться. Нетвердо стоя на ногах в углу у барной стойки, Джейкоб требовал от брата ответить «честно и откровенно», что происходит и в чем он виноват.

– Я тебя ни в чем не виню, – ответил тот, отводя глаза.

– Но ты мне никогда не пишешь, братишка! – воскликнул Джейкоб, отчаявшись поймать его взгляд. – Не понимаю, что я сделал не так.

– Ничего. Посмотри на себя – ты все сделал как надо.

– А ты откуда знаешь? – спросил он, неожиданно для себя повысив голос. – Тебе там не видно, что я тут делаю и чего не делаю. – Возя ногой по липкому полу, он «уезжал» вперед

и подтягивался обратно, держась за идущий вокруг барной стойки поручень. – Я скучаю! – произнести такое было неловко, даже накачавшись пивом под завязку.

Том молчал.

– Тебе лучше без меня, – произнес он после долгой паузы. Слова звучали невнятно, словно им было тесно во рту.

Джейкоб сдался и ретировался из бара к соседней палатке с кебабами. В поисках такси братья прошли всю Мейн-стрит туда и обратно, не обменявшись больше ни единым словом. Потом позвонили матери. До Ройал-авеню они ехали в полном молчании, сжимая в руках свертки с остывшей едой.

Ночью, лежа в своей детской кровати, Джейкоб глядел в темноту и боролся с тошнотой под доносящийся из спальни Тома раскатистый храп. Он услышал, как брат идет в туалет, а потом, вернувшись, со скрипами и вздохами снова пытается устроиться на узкой кровати. Закрыв глаза, он начал придумывать, что сказать утром, чтобы все исправить. В итоге ничего так и не было сказано.

* * *

– Как приятно, что вы оба здесь! – Потянувшись через стол, Сью накрыла ладонью его руку, чем немало его удивила.

Фиона отпила большой глоток виноградного напитка, призванного заменить вино.

– Мне бы так хотелось видеть вас чаще! – продолжала Сью. Кончик носа выдавал ее: за обедом Сью успела выпить.

– Мы живем в двух шагах, – вмешалась Фиона. – Приезжайте в любое время!

– Спасибо, дорогая! – Рука Сью, выпустив пальцы Джейкоба, плавно переместилась на покрытые салфеткой колени. – Не хочу мешать. Молодоженам нужно больше времени наедине.

– Господи, какие же мы молодожены! – воскликнула Фиона, пытаясь удержать поползшие вверх брови. – Мы и так постоянно вдвоем. Куда уж нам больше времени.

– Ну хорошо, – слабо улыбнулась Сью. – Тогда я, может быть, заеду как-нибудь, когда ты уйдешь в декрет? – спросила она, обращаясь больше к сыну, чем к невестке.

Джейкоб с тревогой взглянул на жену:

– Я уверен, что Фиона будет очень рада. Правда, Фи?

– Заезжайте в любое время, Сью!

– Тебя мы тоже ждем, пап, тем более что ты теперь на пенсии, – добавил он и отпил еще глоток. Вино в бокале было кроваво-красным.

– Спасибо, Джейкоб, – ответил Грэхем, вращая свой бокал с вином. – Спасибо, Фиона. – Он коротко улыбнулся сыну и заметно дольше – невестке, так что она в конце концов заморгала и, опустив глаза в тарелку, принялась старательно резать запеченный картофель.

– Я сейчас на corte каждый день, – продолжал Грэхем, снова обращаясь к сыну. – Может, сыграем как-нибудь?

Корт... в глубоком детстве – до того, как он впервые попал туда и узнал, что в действительности это просто размеченный белыми линиями участок земли, – корт представлялся ему дворцом, куда разрешалось входить только самым умным, достойным и мужественным. И среди этих счастливиц был Саймон. Первый претендент на стоявший в corte трон. Старший брат относился к своему положению крайне серьезно; перед выходом, стоя внизу в холле с миниатюрной ракеткой, аккуратно поправлял белые носки с зеленой каймой. Вылитый отец, только спина прямее, ноги буквой «Х» и разговоров меньше.

Джейкоб ожидал, что когда-нибудь наступит и его очередь, но этого не случилось, хотя Том совершенно точно ходил с ними на корт несколько раз. Сам он тогда занимался дзюдо и пытался не чувствовать себя изгоем. Игры с мячом никогда не были его сильной стороной.

Нет ничего удивительного, что отец на корте каждый день: ведь в нем все время борются стремления к здоровому образу жизни и всякого рода излишествам. Он галлонами глушит виски и вино, но ежедневно выкладывается на корте. За вторым завтраком накладывает внушительные шматки тягучего сыра с приставкой «гурмэ» на еще более внушительные ломти белого хлеба, но обязательно спит по девять часов в день. Смотрит все телевизионные шоу без разбора и жадно поглощает самые разнообразные книги. Джейкоб больше ни у кого не встречал подобной страсти к чтению – русская классика, триллеры и детективы, научные статьи, руководства по эксплуатации автомобилей, которые уже давно проданы и которые отец к тому же никогда не ремонтировал сам...

Мама говорила, что это из-за многолетней привычки убивать время чтением по дороге на работу. Нынешние менеджеры и управляющие приступают к работе сразу, едва только трогается поезд, – проверяют почту на телефоне или утыкаются в нашпигованный USB-девайсами ноутбук. А Грэхему приходилось дважды в день коротать час в поезде и полчаса в метро.

Джейкоб всем этим совершенно не интересовался. Авторам книг он, к примеру, не доверял. А гонять туда-сюда мячик, особенно с тем, у кого в арсенале безошибочное чутье и долгие годы тренировок... непонятно было, зачем вообще так мучиться.

– Обязательно, пап.

Глава шестнадцатая

Сью

18 июля 1995

Девочки. Когда Сью только вышла за Грэхема, она представляла, как у них будут двое маленьких мальчиков и двое маленьких девочек. Они появлялись один за другим, точно блюда на званом обеде. Мальчики – симпатичные и румяные, как отец; на коленках ярко зеленеют пятна от травы. Носятся по всему дому, гоняют мяч, придумывают разные шалости. Девочки с кукольными личиками – голубые глаза, розовые губки – одеты в одинаковые сарафанчики. Вот Грэхем во дворе играет с мальчиками в футбол; она в это время расчесывает длинные волосы девочек, а потом заплетает аккуратные-преаккуратные, тугие-претугие косички и скрепляет их одинаковыми резинками.

Девочки, которых приводили домой сыновья, были совсем не похожи на ее воображаемых дочек. Они бегали вместе с мальчишками и вообще уже чуть ли не с пеленок обладали изумительной способностью манипулировать окружающими.

Ее девочки были бы совсем другими. *Ее девочка.*

Время от времени ее настигала внезапная тоска по номеру четвертому. По долгожданному розовому (возможно) цветку. Правда, с ее тремя красавцами-сыновьями грех было жаловаться. К тому же и Грэхем был рад остановиться на трех. Даже более чем. Вот только после первой беременности Сью сразу распланировала вторую, третью и четвертую.

Ей нравилось вынашивать всех своих детей, однако первая беременность была окутана особенным очарованием. Мечты и планы – и, в отличие от последующих, полнейшее неведение.

Главное – родить, думала она, а уход за ребенком проблем не составит. Через месяц, думала Сью, малыш перестанет просыпаться по ночам, а она спокойно влезет в старую одежду при помощи видеокассет Джейн Фонды, заниматься под которые можно днем, пока он спит. К двум годам он приучится к горшку, а там уже и второй ребенок будет на подходе. Так она собиралась продолжать до тех пор, пока четверо цветущих детей не выстроятся рядом по росту, точно отпрыски барона фон Траппа. Мальчик, девочка, мальчик, девочка.

В реальности все шло не по плану – начиная с мучительных родов и до того самого дня, когда Саймон упрямо не желал отправляться первый раз в первый класс. Она ходила в домашнем комбинезоне до шести вечера и едва успевала накраситься к тому времени, как Грэхем парковал машину на подъездной дорожке.

Заниматься ребенком приходилось непрерывно. Жадно впитывая малейшие проявления внимания, Саймон в то же время совершенно их отвергал. Он не отпускал ее от себя ни на шаг до самого вечера, а едва на пороге появлялся Грэхем, принимался лихорадочно ловить взгляд отца.

Сью сроднилась с бесформенными балахонами, а карьера Грэхема резко пошла вверх; он не терял обаяния и уравновешенности, а она медленно сходила с ума.

На то, чтобы пропылесосить одну комнату, требовалось добрых два часа: ребенок непрерывно ревел, и она иногда ему вторила. Уборка откладывалась «на завтра» изо дня в день, и так могло тянуться неделями.

Грэхем никогда не делал замечаний о состоянии квартиры, только медленно обводил все вокруг прищуренным взглядом. По вечерам он уже не торопился домой, как в первые годы супружества, и садился в электричку все позже и позже.

В конечном итоге она как-то приспособилась одной рукой держать лихорадочно сосущего молоко Саймона, а другой толкать пылесос. От избытка молочной кислоты в перенапряженных мышцах плечи жгло огнем.

На обед она разогревала готовую еду от Lean Cuisine, на ужин – от Vesta meals. Остальное время ведрами пила чай, курила в окно или просто сидела и глядела на злое, красное лицо младенца.

С Джейкобом было уже легче, с Томасом – еще легче, если не брать в расчет затаенную грусть по поводу очередного голубого чепчика. И едва Том пошел в детский сад, разговоры – ее разговоры – сразу завертелись вокруг недостающего кусочка пазла: будущей девочки.

Со временем Грэхем как будто начал благосклонно относиться к мысли завести еще ребенка. И тут пришло то письмо. Спокойные слова на безучастной бумаге. «Аномальные изменения». «Повторить анализ мазка».

«Не волнуйтесь, – говорили ей, – такие вещи часто проходят сами собой. Вполне возможно, что следующий анализ ничего не покажет».

Шесть месяцев спустя вместо спокойного письма она получила экстренный звонок от врача. Изменения – от умеренных до серьезных. Атипичные клетки удалили; по пути из клиники она ступала медленно и осторожно, а Том всю дорогу цеплялся ей за ноги, требуя, чтобы его понесли.

Лечение повторяли, но результата не было. Прошло два года; как-то днем, когда мальчики были в школе, Сью, сидя в пустом доме, измученная очередной крайне болезненной амбулаторной операцией, приняла решение. Грэхем потом деликатно говорил, что она «ограничила убытки уже понесенными». Мысль о том, что ему, возможно, придется растить мальчиков одному, была ей невыносима. Ставки слишком высоки; возможностью иметь детей придется пожертвовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.